

Дарья Донцова

Жо-шпа На троих

Евдэмпия Романова
САДАСТЕНЕ ВЕАСТ АМЕСТВИТ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант

Дарья Донцова

Но-шпа на троих

«ЭКСМО»

2003

Донцова Д. А.

Но-шпа на троих / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2003 — (Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант)

Я, Евлампия Романова, заделалась крутым диджеем. Ну, а если перевести эту фразу на русский язык, то с недавних пор я веду музыкальную передачу на радио «Бум». Но фишка в том, что мне в срочном порядке нужно научиться говорить на языке тинейджеров. А параллельно с этим я, как всегда, веду расследование. Исчезла моя приятельница Галка Сорокина. Но домочадцы и не собираются ее искать. Муж уверен, что супруга убежала с любовником. Но я в это не верю! Во-первых, болтливая Галка ни словом никому из подруг не обмолвилась о новом любовнике. Во-вторых, она такая жадная, что никогда бы не оставила свои драгоценности бывшему муженьку. И зачем она в день своего исчезновения отправилась к экстрасенсу? Короче, Галка явно попала в беду, и, кроме меня, помочь ей некому. Так что, Лампа, бери ноги в руки и вперед!!!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дарья Донцова

Но-шпа на троих

Глава 1

Самое ужасное в домашней работе то, что все сделанное вами за день моментально пачкается, мнется или съедается. И еще, на ниве хозяйства вы убивались в то время, когда остальные члены семьи были на службе. Никто не видел, как жена и мать носилась по квартире с пылесосом, гладила, готовила, стирала... Около шести вечера вы, переворочав гору дел и устав, как раб на плантации, решаете вознаградить себя чашечкой чая, со стоном опускаетесь в кресло, щелкаете пультом, протягиваете руку к кружке и... слышите, как в замочной скважине поворачивается ключ. На пороге возникает усталый, злой муж, которого только что возил мордой о стол начальник, за ним появляется ребенок, получивший на дом слишком много заданий. Папа с дочкой встретились в подъезде и успели поругаться.

– Ага, – хмурится супруг, – сидишь у телика, чайком наслаждаешься... Ну-ну, хорошо время проводишь. Давай обед вместе с ужином, у меня в отличие от тебя ни секундошки свободной не выдалось.

И попробуйте объяснить ему, что вы тоже за весь день не присели ни на минуту. Через полчаса зеркало в ванной забрызгано, в тазу валяется грязная рубашка, которую непременно следует постирать прямо сейчас, на столе и в мойке громоздится посуда, в углу скулит собака, которой приспичило именно в этот момент и ни секундой позже. Муж уже лежит на диване, он не чувствует никаких угрызений совести – как же, трудился весь день, а жена, лентяйка, пила чай у телика. На вашу просьбу: «Помоги мне помыть посуду, хочу сериал посмотреть», – дочь-одиннадцатиклассница кричит:

– Ма! Ты что за весь день в ящик не насмотрелась? Между прочим, мне еще уроки делать!

Поняв, что помощи ждать неоткуда, вы оглядываете бардак, в который превратилась совсем недавно вылизанная до блеска квартира, подходите к мойке, берете губку... и, о радость! Здравствуйте, дорогая мама! В гости без всякого предупреждения заявила свекровь! Обведя взглядом пейзаж, она морщится:

– Господи, Галя, какой у тебя беспорядок, страх смотреть! Ведь сидишь дома, неужели совсем не стыдно? И как только я все успевала? И на работу бегала, и детей воспитывала, и мужу угождала, и дом идеально держала.

– Таких, как ты, мамуся, больше нет, – подает голос муж с дивана.

– Буся, – начинает подлизываться к бабушке дочь, – испеки нам пирожок. Мама-то нас не балует, макароны да картошка, салат из гастронома!

Свекровь фальшиво закатывает глаза:

– О боже!

Потом она делает шаг назад и совершенно искренне взвизгивает:

– Ой, во что это я вляпалась?

И вы понимаете, что мерзкая собака, которую не успели вывести во двор, выбрала самый подходящий момент, чтобы напрудить лужу. Дальше семейный уют расцветает махровым цветом, и вас обвиняют во всех смертных грехах...

Выпалив все это на одном дыхании, моя подруга Галка схватила бутылку минеральной воды и стала пить прямо из горлышка.

– Ты, по-моему, сгустила краски, – робко сказала я.

– Нет, – рявкнула Галка, – все так и есть! Моя жизнь беспросветна.

И на головы присутствующих полилась новая порция жалоб. Наконец Вовка Костин, спокойно вкушавший кофе, не вынес и попытался остановить Галку:

– Послушай, если кажется, что тебя никто не любит, все на тебе воду возят, почему бы не изменить ситуацию?

– И каким же образом? – завопила Галка. – Ни мой муж, ни дочь, ни свекровь никогда не изменятся...

– Изменять или воспитывать других абсолютно бесперспективное занятие, – покачала головой Катя.

– Вот видите! – торжествующе воскликнула Галя. – Вы сами поняли тяжесть моего положения.

– Но ты можешь измениться сама, – сказала Катюша, – и тогда мир вокруг тебя станет иным!

– Это как? – разинула рот Галка.

– Ну, – бойко вступила я в разговор, – хватит хныкать о тяжелой доле домохозяйки. Кто бы спорил, это очень утомительный, неблагодарный труд. Найди себе работу. С женщиной, которая приносит хорошие деньги, вынуждены считаться все члены семьи.

– Так я ничего не умею! – залилась слезами Галка. – Учиться поздно...

– Не расстраивайся, – принялась утешать плаксу Лиза. – Вон наша соседка, Лена Романова, тоже не пришей кобыле хвост была, а потом пошла на курсы, научилась маникюр делать, теперь сидит в салоне, гелиевые ногти наращивает, классно зарабатывает...

– Ты предлагаешь мне полировать ногти клиенткам? – оскорбилась Галка.

– А что, – пожала плечами Лиза, – хорошее дело! Работаешь в красивом месте, музыка играет, вокруг баночки, пузырьочки. У Кати-то работа намного хуже, у операционного стола с ножиком!

– Вот еще, – скривилась Галя, – была охота ломаться. Нет уж, если женщина вышла замуж, ее обязан содержать супруг. И потом, мне никак нельзя на службу.

– Почему? – удивился Вовка.

– Здоровье не позволяет, – вздохнула Галка, – болею я.

– Чем? – хором спросили мы с Катей.

– Надеюсь, не атипичной пневмонией, – пробормотала Лизавета, на всякий случай подальше отодвигаясь от Галки, – нам потом придется всю посуду выбрасывать и квартиру дезинфицировать!

Молчавший до сих пор Кирюша встрепенулся:

– Эй, Муля, Ада, Рамик, Рейчел, пошли отсюда!

Мопсы, стаффордшириха и двортерьер послушно потрусили из кухни в коридор. На их мордах было написано откровенное удивление, собаки не понимали, отчего их вытурили из комнаты, где на столе так много всего замечательно вкусного.

– И какая же зараза к тебе прицепилась? – осведомился Вовка, спокойно прихлебывая кофе.

– Очень неприятная, смертельная штука, – с самым серьезным видом выдала Галка, – вегетососудистая дистония.

Мы разинули рты. Катюша хихикнула. Галка как ни в чем не бывало неслась дальше:

– Вот, хожу к экстрасенсу, пытаюсь лечиться...

Поныв еще с час, Галя вспомнила, что у нее дома нет ужина, и ушла. Лиза, закрыв за ней дверь, с подростковой безапелляционностью заявила:

– По-моему, она зануда!

Я не одобряю максималистских высказываний тинейджеров, но в данном случае была целиком и полностью согласна с девочкой.

– А еще она лентяйка, – сердито продолжила Лизавета.

Во мне проснулась моя мама.

– Не следует осуждать людей за их спиной!

– Ага, – вскинулась Лиза, – скажи я Гале правду в лицо, ты бы обозвала меня грубиянкой! Как же выразить свое мнение, а? За спиной – невоспитанно, прямо в морду – по-хамски!

– Ты его при себе держи, – посоветовал Кирюша, – за умную сойдешь!

– Дурак, – взвизгнула Лиза.

– Сама обезьяна, – не остался в долгу Кирюша.

Костин схватил со стола газету, свернул ее трубочкой и быстро стукнул спорщиков по затылкам.

– Хватит, поели и идите делом займитесь, нечего тут драки устраивать.

– А, – заныл Кирюшка, – она первая обзывать началась.

– Нет, ты первый мне гадость сказал.

Володя нахмурился:

– Если хотите ругаться, никто вам не мешает. Ступайте в спальню к Кирюхе, там и убивайте друг друга.

– Почему ко мне? – возмутился мальчик.

– Там ковра нет, легче будет кровь вытирать, – не растерялся Костин.

Лиза фыркнула и ушла, Кирюша полетел за ней, через минуту из глубины квартиры раздался грохот, звон и визг.

– Когда они перестанут драться? – вздохнула я.

Катя улыбнулась:

– Сложный вопрос. Боюсь, не скоро.

– А что, вегетососудистая дистония такая страшная болезнь? – внезапно поинтересовался Костин. – Смертельная?

Катя хмыкнула:

– Ага, именно смертельная. Между нами говоря, все болезни рано или поздно заканчиваются летальным исходом, даже плоскостопие и косоглазие. Живешь себе с ними, тянешь лет до ста, а потом, бац, и все! Вегетососудистая дистония есть почти у каждого жителя мегаполиса. Приходит человек к врачу и начинает жаловаться на утомляемость, головную боль, слабость, скачки давления. Ну обследуют его, ничего не находят и ставят диагноз: дистония. Занимайтесь спортом, пейте витамины, спите по восемь часов, не нервничайте, ведите здоровый образ жизни.

– А почему Галя тогда у экстрасенса лечится? – недоумевал Вовка.

– По-моему, ей просто нечем заняться, – фыркнула Катюша, – вот она дурью и мается.

Честно говоря, я была с ней солидарна. Галка вполне может найти себе работу, раньше она оправдывала свое безделье просто: «Я воспитываю дочь».

Но Алисе недавно исполнилось семнадцать, провожать в школу и таскать в спортивную секцию девочку больше не надо, тем более кормить из бутылочки и менять ей пеленки, самое время выйти на службу, но теперь, как выясняется, работать ей мешает вегетососудистая дистония.

На следующий день, около полудня, Галка позвонила мне и плаксивым голосом завела:

– Слышь, Лампа, ты что делаешь?

– На рынок собираюсь, – сообщила я чистую правду, – картошки надо купить, моркови, лука, а то суп сварить не из чего.

– Отвези меня к врачу, – простонала Галка.

– Я?

– Ты.

Мне страшно не хотелось встречаться с Галкой, поэтому я весьма невежливо заявила:

– У вас же своя машина есть.

– Ага, Ленька на ней уехал, работа у него!

– Так сегодня суббота! – отбивалась я изо всех сил.

– Ну и что? – бубнила Галка. – У него какой-то аврал! Укатил в семь утра, а бедная больная жена топай к доктору на своих двоих!

– На метро можно добраться.

– Мне от подземки дурно.

Кто бы спорил, мне там тоже не нравится, но я езжу под землей без писка, когда много-страдальный «жигуленок» в очередной раз ломается.

– Такси возьми, – в порыве вдохновения посоветовала я.

– Там всегда воняет бензином, – взвизгнула Галка, – вот ты какая! Больная, умирающая подруга просит помочь, и что в результате? Ладно, спасибо, я, конечно, сегодня к доктору не попаду, курс лечения прервется, мне станет хуже, но ничего, в моей жизни было много испытаний, вынесу и это...

– Ладно, – сдалась я, – приезжай, отвезу тебя.

– Лампа, – укоризненно воскликнула Галка, – ведь я объяснила, что не могу пользоваться общественным транспортом, тебе придется приехать за мной!

Начав делать доброе дело, невозможно остановиться. Покорившись судьбе, я завела «шестерку» и покатила к Галке. В душе медленно закипала злость. Уж не так далеко мы живем друг от друга, Сорокина могла и пешком дойти.

Галка стояла у подъезда. Она выглядела замечательно: бежевые брючки и светлая маечка, выгодно подчеркивающая розовый цвет лица, на ногах элегантные туфельки с маленькими золотыми пряжками. Я невольно глянула в зеркальце, прикрепленное к крылу «шестерки», и, отметив, что цвет моей кожи напоминает кожуру перезрелого кабачка, вздохнула.

– Отлично смотришься!

– Да что ты, – замахала руками Галка, – одной ногой в могиле стою, но ведь нельзя же расслабляться, вот, сбегала вчера к косметологу на массажик. На другие более действенные процедуры времени совершенно нет, я же несчастная домашняя хозяйка!

Вымолвив эти слова, Галка вытащила кружевной платочек, украшенный буквами «ГС», поднесла его к лицу, чихнула раз, другой и заныла:

– Аллергия меня просто доконала, умираю!

Под ее неумолчные стоны я покатила вперед и, доехав до конца улицы, поинтересовалась:

– Рулить-то куда?

– На проспект Рукавишникова, – спокойно заявила нахалка.

Я выпустила руль.

– Куда?

– У тебя уши болят? – обозлилась Сорокина. – Я только же сказала! На Рукавишникова!

– Но нам придется ехать через Садовое кольцо, можем в пробку попасть! Может, тебе лучше на метро?

– Ничего, – мотнула головой Галка, – Ленька на работе, бабка с Алисой на дачу укатали, я совершенно свободна.

И как следовало отреагировать на подобное заявление? Вытолкать наглуую Сорокину из машины и отправиться заниматься собственными делами? Ей-богу, Галку следовало проучить! Но, к сожалению, у меня окаянства не хватило, и я, сцепив зубы, продолжала ехать вперед.

Тихое попискивание мобильного нарушило молчание.

– Алло, – недовольно произнесла Галя. – Ну, какой адрес дали, по такому и еду! Разве я дура? Ладно, проспект Рукавишникова, дом...

Потом она бросила трубку в сумку и сердито протянула:

– Уроды!

– Кто?

– Да эти! Сообщили адрес, дом переврали, квартиру тоже!

– Мы не туда едем?

– Кати на Рукавишникова, – буркнула Галка. – Хорошо хоть название проспекта не спутали. Во народ! А если бы у меня не было мобильного!

– Но он же есть, – я решила прекратить стоны.

– Ага, а кабы нет?

Суббота пошла прахом. Несмотря на выходной день, в городе было полно пробок, на место я, не слишком лихой водитель, добралась, лишь когда стрелки приблизились к цифре 2. Галка упорхнула в девятиэтажную башню, а я осталась сидеть в машине. Время тянулось, словно жвачка. Сначала я просто слушала радио, потом сбегала в ларек, купила идиотский журнал, рассчитанный на безголовых куриц, и стала изучать статьи на животрепещущие темы... «Он изменил. Стоит ли гнать мужа вон», «Как довести мужчину до загса», «Возможно ли достичь гармонии в браке», «Фаршированная курица за десять минут», «Раки под майонезом – лучшая закуска».

Перелистав тяжелые глянцево-страницы, я вконец обозлилась: люди, выпускающие это издание, считают, что основной целью любой особи женского пола является замужество. Получив же заветный штамп в паспорте, молодой супруге следует на всю жизнь приковаться к плите и отходить от нее только для того, чтобы прыгнуть в постель. В журнале содержалось много советов на сексуальную тематику.

Промаявшись в машине около двух часов, я принялась названивать Галке на мобильный. «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети», – заталдычил механически-равнодушный голос. Я вышла из машины и села на скамеечку возле подъезда, лениво разглядывая двор. Май в этом году выдался необычно теплым, даже жарким. В песочнице с криком возились малыши, их мамы поупоенно вязали, сидя на скамеечках. Стайка подростков пыталась привести в рабочее состояние мотоцикл, сделанный еще при царе Горохе. Некоторое время я сидела на лавочке одна, потом около меня остановилась толстая баба с давно не мытой головой, она держала за руку крохотную девчущку лет пяти.

– Иди, Лидка, поиграй с ребятами, – буркнула мамаша и плюхнулась на сиденье.

Скамеечка жалобно заскрипела, до моего носа долетел крепкий запах пота. Девчоночка, весело подпрыгивая, побежала по дорожке.

– Хоть дух переведу, задолбалась совсем, дома сидючи, – громко, с некоторым вызовом, заявила баба.

Она явно рассчитывала, что я вступлю в разговор, но мне совершенно не хотелось болтать с «родной сестрицей» Галки, поэтому я просто отвернулась.

Бабенка поерзала, добыла из сумки книжку и погрузилась в чтение. Я скосила глаза и выхватила кусок текста. «Амалия, одетая в белое платье, сгорала от стыда. Граф уверенным шагом подошел к молодой женщине и рывком разорвал свадебный наряд. Амалия попыталась прикрыть бесстыдно обнаженную грудь...» Мне стало смешно. Ну как можно с серьезным видом глотать такую ерунду? Хотя толстуха с сальными волосами, наверное, представляет себя на месте Амалии. Это на ней, а не на главной героине граф сейчас рвет в клочья гипюровые тряпки.

Тут прискакала назад дочка книголюбки и завела:

– Мам, когда ты мне купишь хомяка?

Бабища молча смотрела в книгу.

– Мам, хочу хомячка!

Туша спокойно наслаждалась романом.

– Мам, – не успокаивалась девочка, – ты что, не слышишь?

– Слышу, – эхом отозвалась тетка, – чего надо?

– Хомячка купи! Хочу хомячка!!!

Мать с глубоким вздохом захлопнула растрепанный томик в бумажной обложке и ответила:

– То тебе, Лида, хомячка, то братика подавай! Ты уж определись, кого больше желаешь!

– Хомячка, – всхлипнула девочка.

– А вчера хотела братика, – рывкнула гора сала, – ну куплю я тебе грызуна, и чего? Станешь потом ныть: «Отдавай мыша, хочу мальчика». И ваще нам домой пора!

– Может, и братика, и хомячка завести, – задумчиво протянула Лида, – чем же они другу другу помешают?

– С ума сойти, – обозлилась мать, – двигай давай!

Дверь подъезда распахнулась, и во двор выбралась троица. Два мужика в спортивных брюках и мятых футболках волокли совершенно пьяную тетку. Голова ее моталась на мягкой, расслабленной шее, лица не видно, длинные каштановые волосы свисали неаккуратными прядями. Видно, женщина приняла на грудь немало, раз ее голова не подчинялась хозяйке, причем как в прямом, так и в переносном смысле. Ноги алкоголички волочились по асфальту, руки висели как переваренные макароны. Одета она была в ситцевый халат, грязный, мятый, слишком широкий и длинный для ее худого короткого тела.

Не говоря ни слова, парни дотащили ее до стоящих у подъезда ржавых, битых «Жигулей», сложили пьянчужку буквально пополам и стали запихивать на заднее сиденье. Это удалось им не сразу, мужики сами были крепко навеселе. Наконец большая часть дамы оказалась внутри. Ребята почесали в затылке и принялись укладывать в машину не желавшие повиноваться хозяйке нижние конечности. Я от скуки следила за ними. На щиколотке левой ноги бабы виднелась золотая цепочка, украшенная буквой S, а может, это был знак доллара? Наконец процесс посадки завершился. Дребезжа всеми частями разболтанного организма, натужно чихая и кашляя, «Жигули» поплюхали прочь.

– Во, – восхитилась наблюдавшая вместе со мной за этой сценой толстуха, – у соседней-то суббота зря не прошла, славно отдохнули! И как только не боятся под газом за руль лезть!

– Мам, купи хомячка, – ожила Лида.

– Ну, блин, достала, – гаркнула ласковая мамаша, – чапай домой, жрать пора, да и телик посмотреть охота, расслабиться! Весь день как черт в ступе крутилась.

Девочка, хныча, поплелась в подъезд, мать потопала за ней, а я, возмущившись до глубины души, села в машину и уехала прочь. Таких нахалок, как Галка Сорокина, нужно воспитывать. Она что, считает меня своим личным водителем, готовым день и ночь пахать на хозяйку? Нет уж, пусть возвращается домой на метро. Тысячи людей ежедневно пользуются подземкой, и ничего, живехоньки остаются. Интересно, сколько пассажиров метрополитена страдает вегетососудистой дистонией?

Глава 2

Воскресенье пролетело в домашних хлопотах, а понедельник принес сюрприз. В восемь утра позвонил Борис Крюков, мой бывший однокурсник, и с места в карьер спросил:

– Слышь, Романова, ты сейчас работаешь или как?

Я вздохнула. Ну не говорить же ему правду, что я начальник оперативно-розыскного отдела тихо умирающего от отсутствия клиентов частного детективного агентства «Шерлок». Принадлежит оно моей подруге Федоре, и в нем мы обе начальницы, подчиненных у нас нет, зарплаты тоже, зато есть лицензия и красивые красные кожаные «корочки», подтверждающие, что Евлампия Романова может на абсолютно законных основаниях проводить расследования. Одна беда, никто не собирается меня нанимать.

– Эй, Романова, ты скончалась? – загудел Крюков. – Так что, есть у тебя работа, или как?

– Или как, – грустно ответила я.

– Отлично!

– Чего же тут хорошего?

– Есть изумительное место, как раз для тебя, – зачастил Борька, – зарплата – супер!

– Спасибо, – перебила я его, – только я сто лет за арфой не сидела, руки железными стали, меня из любого оркестра мигом попрут.

– А кто говорит про струнные инструменты? – изумился Крюков. – Значит, так, в девять жду тебя в кофейне «Макс», успеешь?

Я глянула на часы.

– Должна.

– Не опаздывай, рохля, – завершил разговор Борька.

Я быстро оделась, старательно накрасилась, потом, поглядев на себя в зеркало, осталась недовольна, смыла косметику, повторила процесс и вновь схватилась за молочко для снятия макияжа.

– Ты, Лампудель, не старайся, – хихикнул опаздывающий в школу Кирюшка, – лучше все равно не станешь. Тебя красить, как Мулю, полный бесполезняк! Ну прикинь, Мульяна с голубыми тенями и розовой помадой.

Я уставилась на складчатую физиономию довольно ухмыляющейся мопсихи и с тревогой поинтересовалась:

– Что, все так запущено? Надеюсь, морщин у меня в три раза меньше.

– И нос другой, рожа не черная, и усы пока не растут, – успокоил меня Кирюшка, – просто косметика тебе идет, как корове бейсболка! Лучше выкинь мазилки или Лизке отдай. Та все равно такая уродина, что хуже ей уже не стать!

– Кто уродина? – заорала услышавшая наш разговор Лиза. – Ну погоди, гад!

Через секунду вспыхнула драка. Муля и Ада принялись истошно лаять. Я аккуратно обошла мутузящих друг друга детей. Наверное, Кирюшка прав, мне следует появиться перед Крюковым в натуральном виде, в конце концов, я не собираюсь выходить за него замуж.

К кофейне я подрулила вовремя, вошла внутрь и стала искать глазами Борьку. Никого похожего на кудрявого блондина Крюкова в помещении не было. Я обзрела довольно большой зал еще раз. Посетителей тут оказалось совсем немного. У окошка наслаждалась горой взбитых сливок весьма полная девушка, а в противоположном углу сидел толстый, лысый мужик, похожий на грустного кабана.

Я молча устроилась за столиком. Ну Борька! Велел мне не опаздывать, а сам...

– Романова, – раздался знакомый голос.

Я вздрогнула и обернулась. Кабан, сверкая идеально сделанными искусственными зубами, уставился на меня.

– Романова, ты чего там села?

Не веря своим глазам, я встала, подошла к толстяку и воззрилась на него. Господи, это же Крюков! Но что с ним случилось? Где кудрявые волосы, светлым облачком украшавшие его макушку? Да и сизого носа, заплывших глаз, огромного живота и красного цвета лица у Борьки никогда не было.

– Романова, – загудел Крюков, странно дергая плечом, – сколько лет, сколько зим! А ты постарела, мать моя, вон уж и морщины полезли. Сколько лет мы с тобой не виделись?

– Десять точно будет.

– Да, – элегически вздохнул Борька, – повозила тебя жизнь по колдобинам, побила мордой об асфальт, сразу видно, живешь плохо. Вот я с Алкой Козловой вчера встречался, так она просто персик, совсем не изменилась, а ты...

Решив прервать поток «комплиментов», я быстро спросила:

– Ты по-прежнему во Втором симфоническом первой скрипкой сидишь?

– Не, – скривился Крюков, – я ушел. – Чего так? Вроде хорошее место. С дирижером поругался?

У первых скрипок иногда сносит крышу. Тем, кто не знает, поясню. Первая скрипка занимает в симфоническом коллективе особое место. Если выстраивать всех работников оркестра по ранжиру, то возглавит колонну, естественно, дирижер, за ним идет первая скрипка, а уж потом все остальные со смычками, струнами, барабанами и тарелками. Только первой скрипке на сцене после концерта руководитель пожимает руку. Лишь она может себе позволить слегка поморщиться, заметив промах маэстро. Вернее, перешептываться-то будут все, но сохраняя на лицах полнейшую невозмутимость, а первая скрипка не постесняется открыто ухмыльнуться. И неизбежно наступает момент, когда у скрипача возникает стойкая уверенность, что его недооценивают, ломают, прогибают под пюпитр, а на самом-то деле дирижер тупой кретин, перед каждым концертом читающий записку, где написано: «Струнные справа, ударные слева», настоящий же гений один, это он, первая скрипка. Я не утверждаю, что подобное случается всегда, но все же довольно часто.

Борька снова дернул плечом:

– Нет, Моцарт меня задолбал. Прикинь, Романова, я ненавижу музыку, всякую!

Я кивнула. Понимаю, у людей, которых, не спрашивая об их желании, приковали к инструменту в четыре года, иногда открывается стойкая аллергия на слова «бемоль» и «бекар».

– Ты лучше скажи, – прищурился Борька, – хочешь иметь зарплату в пятьсот баксов?

– Конечно! – воскликнула я. – Но кто ж мне ее даст?

Крюков довольно засмеялся:

– Получишь без проблем.

– Где?

– На радиостанции «Бум».

– Где?!

– Есть такое радио, называется «Бум», им нужна ведущая музыкальной программы, час в эфире, вечером, работать через день.

Я затрясла головой:

– Нет, я не сумею. Никогда не сидела у микрофона, не имею специального образования.

– Романова, – сердито оборвал меня Борька, – им не нужен журналист. Как правило, те, кто имеет диплом, дающий право выходить в эфир, полагают, что скрипичный ключ – это инструмент, при помощи которого чинят скрипку. На «Буме» хотят иметь музыканта, ничего сложного в этой работе нет, передача делится на две части. Сначала к тебе приходит гость, и вы ведете милую беседу, ну типа: ваши творческие планы, предстоящие гастроли, полученные премии... Кстати, в основном к тебе поперет попса, народ любит всяких певцов и певичек. Два притопа, три прихлопа, группа «Веселые мальчишки», коллектив «Воюющие девочки». Сплошная

ерунда. Затем будет викторина. Задаешь вопросы, а слушатели несутся к телефону и дозваниваются в эфир. Кто правильно ответил, тот и получает подарок. Проще только чай пить.

– Ой, – испугалась я.

– Что еще? – рассердился Борька, еще больше краснея. – Какая новая проблема? У тебя вставная челюсть, которая имеет обыкновение вываливаться при длительном разговоре?

– А вдруг я сама не сумею правильно ответить на вопрос?

Крюков закатил глаза:

– Романова, ты поражаешь громадем ума! Ответы будут лежать перед тобой! Пятьсот баксов! За несколько часов работы в неделю! Да узнай народ про такую службу, мигом бы толпа разнесла офис «Бума», а ты еще кривляешься! Может, тебе просто лень?

Я сразу вспомнила Галку Сорокину и быстро сказала:

– А когда приступать?

Лицо Борьки просветлело, он выхватил из кармана мобильник и радостно заорал в трубку:

– Викуля? Все, есть ведущая!

Потом, положив сотовый на стол, мой бывший однокашник шумно вздохнул и принялся объяснять, куда я должна явиться завтра к семи часам вечера.

– Эфир начинается в девять, – заботливо говорил он, – но приходите заранее, пока подготовишься, пока то, пока се...

Я кивала. Понятно, так бывает всегда. Сначала, нанимая вас на службу, начальство обещает, что рабочих часов будет всего ничего, потом, когда вы даете принципиальное согласие, выясняется: пахать придется в три раза больше, а затем, получив первую зарплату, вы понимаете, что и оклад существенно меньше заявленного...

– Все просекла? – тербил меня Крюков. – Смотри не опоздай!

– Хорошо, – тихо ответила я, – а какое ты имеешь отношение к этому «Буму» и почему выбрал меня?

Борька вытащил платок, вытер им лысину и туманно сказал:

– Ну, так получилось. Просто руководство «Бума» попросило меня им помочь, я и постарался, двух зайцев убил: и тебе помог и радийщикам.

Увидав меня на пороге, Кирюшка попросил:

– Давай съездим на проспект, купим торт, такой замороженный, со взбитыми сливками и ягодами! У меня сегодня всего три урока было!

Я согласилась, и мы пошли к машине. Всю дорогу до супермаркета Кирюшка ерзал по сиденью. В конце концов я не выдержала:

– Можно подумать, что из кресла торчит гвоздь!

– Не, – ухмыльнулся мальчик, – но что-то мешает.

Он засунул руку под тоненькую накидку и выудил небольшую железную коробочку. Внутри оказалась телефонная книжка.

– Гляди, – ткнул мне ее под нос Кирилл, – Галкина штучка.

– Отчего ты так решил?

– Так тут на первой странице написано: «Сорокина» – и телефон дан. Небось она который день ее ищет. Во раззява.

Мы купили торт, привезли его домой, съели, я помыла посуду и вздохнула. Очень не хочется, но надо позвонить Гале и сообщить о находке. Сорокина небось злится на меня, сейчас наслушаюсь! Хотя, может, перевалить дело на Лизу?

Девочка, поныв для порядка: «Почему всегда я должна делать неприятные вещи», набрала номер и вежливо сказала:

– Здравствуйте, Леонид Максимович, это Лиза, можно Галину Семеновну? Она...

Очевидно, Леня прервал ее, потому что Лизавета замолчала, затем ее глаза расширились, а на лице появилось выражение искреннего недоумения.

– Ну ни фигя себе! – воскликнула девочка, отсоединяясь.

– Что он тебе сказал?

Лиза трясла головой:

– Боюсь, если повторю, ты меня не одобришь, ну, как бы это объяснить, один глагол, одно притяжательное местоимение и одно существительное. Правда, две последние части речи сказать вслух можно, неприличными они делаются лишь в сочетании с той, что обозначает движение.

– Леня ругался при тебе матом? – изумилась я. – Он пьян?

– Трезвее некуда, – заверила меня Лиза, – сообщил, что Галя б..., и он с ней больше не живет!

Я схватила трубку. Скорей всего, Ленька от удушающей жары сошел с ума!

– Да, – рявкнул приятель, – кто там? То есть, чего надо?

– Это Лампа.

– Ну!

– Позови Галю.

– Твоя подруга, – завопил Ленька с такой силой, что у меня заложило уши, – твоя подруженька!..

Разрешите мне не приводить тут его высказывание целиком. Поверьте, ни одного печатного слова Леонид Максимович не произнес. Прооравшись, он бросил трубку, а я, схватив ключи, понеслась к Сорокиным. С моей подругой явно случилась какая-то неприятность.

Дверь мне открыла Ирина Глебовна, мать Лени. Ее лицо было хмурым. Увидав меня, она сжала губы в нитку, потом сурово заявила:

– Вам незачем более сюда являться, Галина Семеновна тут не живет!

Вымолвив это, она хотела уже захлопнуть дверь, но я быстро сунула ногу в щель между косяком и створкой.

– Послушайте, ведь я не сделала вам ничего плохого. Может, объясните, в чем дело?

Ирина Глебовна молча попыталась выпихнуть мою ступню из проема, но я цепко держалась пяткой за порог. За спиной старухи замаячил Ленька.

– Явилась не запылилась, – прошипел он, – ну входи, послушай про свою подруженьку, узнай ее истинное лицо!

Он втащил меня в прихожую и прямо у вешалки, забыв предложить пройти в комнату, рассказал совершенно невероятную историю.

В субботу Леня вернулся домой очень поздно, за полночь. Настроение у него было на нуле. Да и кто бы почувствовал себя хорошо, работая в свой законный выходной день? Открыв квартиру, Леня удивился: никого. Ирина Глебовна с Алисой должны были вернуться с дачи, и куда подевалась Галка? Обычно в это время жена либо спит, либо лежит в ванне. Но и постель, и джакузи оказались пусты. Супруга испарилась. Недоумевающий Ленька прошел на кухню и нашел там Ирину Глебовну, сидевшую над кучкой обрывков. С трудом подбирая слова, мать объяснила сыну, что... жена его бросила. Старуха приехала с дачи и нашла на столе письмо, прочитав которое, разорвала, ну не смогла справиться с собственными эмоциями. Леня потряс головой. Ирина Глебовна человек серьезный, так шутить она никогда не станет.

– И что там было? – ошарашенно спросил Сорокин, разглядывая обрывки.

– Сейчас попробую максимально точно воспроизвести, – прошептала мать, – кажется, так.

«Леонид! Наша совместная жизнь более невозможна. Ты меня не ценишь, не уважаешь и не любишь. Твоя мать вечно во все вмешивается, а дочь просто хамка. Я терпела вас, мучилась, но сколько веревочке ни виться, а кончик придет. Я ухожу, надоели вы мне до икоты. Искать

меня не следует. В моей жизни появился новый мужчина, с ним я начну другую, счастливую жизнь. Ничего из вещей я не взяла специально, ушла в чем есть. Драгоценности на месте. Не хочу слышать упреков в том, что ограбила бывшего супруга. Кстати, мой новый, горячо любимый муж богат, у нас родятся дети, милые, хорошие, не такие, как Алиска. А вы живите без меня, вы заслужили это. Прощайте навеки, бывшая жена, мать и невестка Галина».

Я опустила на пуфик. Леня продолжал орать, но я словно оглохла. Галка бросила семью? Просто бред!

– Говоришь, это произошло в субботу? – перебила его я.

– Да! – взвизгнул Леня.

Я окончательно растерялась. Очень хорошо помню, что в тот день повезла Сорокину к экстрасенсу. Встретились мы где-то в начале первого, в семь я, злая, как рой ос, улетела домой. Галка болтлива до крайности, у нее язык без костей. Если бы Сорокина замыслила улепетнуть от семьи, она бы непременно поставила нас в известность. Да, конечно, Галя ныла, жаловалась на тяжелую жизнь, но никаких новых мужских имен мы от нее не слышали. И потом, я хорошо знаю Сорокину! Поверьте, она не тот человек, который убежит от постылого супруга голой. Нет уж, Галка соберет абсолютно все, выломает встроенную мебель и сдерет ковровое покрытие. Один раз, пару лет назад, Сорокины крупно поругались и Галя съехала к матери. Вы не поверите, но за пару часов, пока дома не было свекрови, она ухитрилась сложить весь хабар и перетащить к своей мамочке. А тут оставила все, даже брюлики. Ох, что-то в этой истории не так.

– Дай мне почитать ее письмо, – попросила я.

– Ты глухая, – выверился Леня, – его давно порвали и вышвырнули!

– Это зря!

– Почему же?

– В милиции захотят взглянуть на него.

– Где? – влезла в беседу Ирина Глебовна.

– В милиции, – повторила я.

– Какое дело правоохранительным органам до наших семейных дел, – проскрипела старуха.

– Разве вы не отнесли заявление?

– Зачем? – фыркнул Леня.

– Ну, когда человек исчезает, родственники обычно...

– Она не исчезла, – заголосил Леня, – прошмандовка, сука, б...! Никто ее искать не собирается! Ушла, и все! Ясно???

Я кивнула:

– Алису она оставила?

– Ребенок ей ни к чему, – скривилась Ирина Глебовна, – малышка помешает этой, с позволения сказать, матери, гулять в полную силу.

Я подавила усмешку. Называть Алису малышкой как-то слишком. Девушка вымахала до метра семидесяти пяти сантиметров и весит килограммов восемьдесят. Этаким крупный младенец, очень сильно избалованный, капризный и патологически грубый! И вот вам еще одна странность! О Гале можно сказать разное. Она ленива, совершенно не желает работать, терпеть не может Ирину Глебовну и не считается с Ленькой, но Алиску-то она обожает! Я и предположить не могла, что Сорокина бросит дочь!

Глава 3

Выйдя на улицу, я обдумала услышанное. Интересно, когда Галя ушла, я имею в виду время? Ну, предположим, не успела я отъехать, как она выскочила от этого экстрасенса и потопала к метро. Под землей до цели добираться быстрее, чем на автомобиле, значит, Сорокина могла прибыть в квартиру около половины десятого. В полночь, или чуть позже, появился Ленька. Что же произошло за эти часы? Отчего Галка решилась на безумный поступок? Или она задумала побег давно? Съездила к экстрасенсу и прямо от него подалась в новую, счастливую жизнь? Неожиданно в моей душе поднялась тревога. Я попыталась задавить ее, но не смогла. Помаявшись несколько минут, я вынула мобильный и пропищала:

– Алиску позовите!

– Ша, – буркнул не узнавший меня Ленька.

– Аллоу, – пропела девица.

– Алис, спустись вниз, – я старательно прикинулась ребенком.

– Зачем? И ваще ты кто?

Я противно захихикала:

– Дед Пихто. Мой брат тебе записочку передать велел, сам подойти в школе стесняется.

– Ладно, – мигом смилостивилась девчонка, – иду.

Я прождала ее минут десять, а когда Алиса наконец выскочила во двор, поняла причину задержки. Решив, что ее вызывают на свидание, школьница «нарисовала» лицо и тщательно взбила волосы. Я помахала ей рукой из окна.

– Алиса!

Одиннадцатиклассница приблизилась.

– Здравствуй, Лампа, – вежливо кивнула она.

– Как дела?

– Нормально, извини, меня тут ждут.

– Это я.

– Что?

– Я тебе звонила. Письма нет, влюбленного брата тоже.

Алиса захлопала глазами:

– Да? Между прочим, сегодня не первое апреля!

– Мне нужно с тобой поговорить тет-а-тет, без свидетелей, залезай в машину.

Алиска недовольно пожала плечами, но просьбу выполнила. От нее сильно пахло дорожными духами, очевидно, она вылила на себя ведро французского парфюма.

– Ты имеешь представление, куда подалась мама? – с места в карьер спросила я.

– Не знаю и знать не хочу! Она меня бросила!

– Ты никогда не слышала, чтобы Галя звонила мужчине?

– Чужие разговоры я не подслушиваю.

Я вздохнула. Оно, может, и так. Только у детей уши, как локаторы, улавливают все беседы, особенно те, которые вы предпочитаете вести тайно, даже в диапазоне ультразвука.

– Может, припомнишь, как утро субботы прошло?

– Обычно.

– А именно?

– Мы с бабушкой в восемь встали и на дачу отправились, а *эта* спала. Знаете, что меня взбесило?

– Говори.

– *Эта* у меня из шкафа розовую футболку взяла!

– С какой стати Гале брать твои вещи? – удивилась я. – У нее от своих шкаф ломится!

– У нас в семье все не по-людски, – повторила явно чужие слова Алиса, – обычно дочка к маме в гардероб лезет! Только *эта* вечно мои вещи брала. Своего полно, а ей нужны мои! Она эту футболку постоянно цапала. Натянет и щурится: «Ах, как мне розовый цвет к лицу!» Ведь знала же, что нас бросает, и в моем утопала! Ну не гадко ли? Такой маечки в Москве не купить, ее папа из Лондона привез. Разве это красиво? И цепочку стащила.

– Какую?

– Золотую, на ногу, – простонала Алиса, – на ней буква S болталась, русского С в лавке не нашлось. Папа опять же привез, а *эта* возмутилась и заорала: «Почему только одну купил, я тоже такую хочу». Дикий скандал получился. Бабушка *этой* сказала: «Украшения подобного рода носит молодежь». Что тут началось! *Эта* все время у меня цепочку хватала, ваще в свою превратила. Мне, между прочим, тоже хотелось ее поносить. Вот какая мерзость! Бросила меня и удрала в моих вещах, в футболочке... Цепочку такую тоже никогда не купить, папа ее в Тунисе нарыл.

– Тебе совсем не жаль маму? – удивилась я.

– *Эта* мне не мать, – с вызовом заявила Алиса, – нормальная женщина никогда не бросит дочь, тем более если той предстоят экзамены. И не о чем нам тут толковать!

Хлопнув дверцей, Алиска выскочила на тротуар и была такова.

Я еще раз прокрутила в голове ее рассказ, запоздало удивилась черствости девочки и включила зажигание. Странная история! Убежать из дому в одежде и украшениях дочери? Нацепить розовую футболочку, цепочку с буквой S... Уму непостижимо! Цепочка!

Внезапно в моем мозгу вихрем пронеслось воспоминание. Двое полупьяных парней запихивают в ржавую колымагу абсолютно невменяемую бабу в халате, на ноге у нее болтается золотая безделушечка с буквой S. Не чуя под собой земли, я понеслась в квартиру к Сорокиным. На этот раз дверь открыл Ленька.

– Забыла чего? – хамски осведомился он. – Или дорогу домой не нашла?

Я вцепилась ему в плечо.

– Галка...

– Слышать не желаю это имя!

– Но...

– Уходи!

– Погоди.

– Пошла прочь!

– С Галкой явно случилась беда.

– Убирайся.

– Послушай...

И тут Ленька что есть силы ударил меня в грудь. Я, словно крошка хлеба, скинутая со стола, пролетела пару метров, стукнулась спиной о стену и, не удержавшись на ногах, упала на пол. Ленька молча захлопнул дверь. Я попыталась встать, ощутила резкую боль в спине и испугалась: неужели сломала позвоночник! Но через мгновение палка, воткнувшись в поясницу, исчезла, и я сумела подняться, ноги тряслись, виски ломило. Никогда до этого меня не били мужчины, впрочем, женщины тоже. До сих пор все конфликты разрешались путем переговоров.

Дыша, словно больная собака, я доползла до «Жигулей» и попыталась прийти в себя. Скорей всего, кто-то из родственников пьянчуги тоже летал в Тунис и привез ей в качестве презента ножной браслет. Вероятно, спившуюся бабу зовут Соня или Света, а может, у нее фамилия Смирнова, или эта S никак вообще не связана с паспортными данными. Да и одета она была не в красивые брючки и розовую футболочку, а в застиранный байковый халат.

Внезапно в голову пришли другие мысли. Опустившаяся, пьющая баба не станет носить на шиколотке золото, она его мигом сменяет на бутылку. Может, женщина напилась впервые в жизни?

Тревога грызла меня, словно голодная собака кость. Избавиться от мучений можно было лишь одним способом. Стараясь не прислоняться ноющей спиной к спинке сиденья, я порулила на проспект Рукавишников. Возле девятиэтажной башни кипела жизнь.

Радуюсь хорошей погоде, все неработающие жильцы выползли на улицу. Я оглядела присутствующих. И каким образом я узнаю имена парней, которые волокли бабу в халате? Спросить, что ли, у аборигенов: «Простите, кто у вас ходит в спортивных штанах, водит ржавую раздолбайку и любит покушать водочку?»

Боюсь, таким образом я ничего не выясню. Сейчас во дворе маячит штук шесть мужиков, и все как один в брюках с надписью: «Адидас». А еще вдоль тротуара выстроилась цепь старых, ободранных «шестерок» и «пятерок», да и водку здесь небось пьет каждый первый.

– Мама, – раздался за спиной знакомый голосок, – ну когда же мы купим хомячка?

Я обернулась. Толстая тетка, одетая сегодня в чудовищный едко-зеленый сарафан с синими цветами, уселась на скамейку.

– Иди, Лидка, поиграй, – велела она, добывая из сумки любовный роман.

Девочка понеслась к песочнице, я села около горы сала и вздохнула:

– Жарко-то как!

– И не говорите, – охотно вступила в разговор жиртрестка, – чисто Африка, ваще погода обезумела.

– В квартире дышать нечем!

– У нас тоже духотища.

– Сейчас на даче хорошо, только у меня ее нет, – покривила я душой, вспоминая наш просторный дом в Алябееве.

– У нас есть шесть соток, – гордо заявила собеседница, – но далеко, под Шатурой, не наездишься.

Мы еще поболтали о всякой ерунде, потом бабища сказала:

– Я вас вроде на этой лавочке на днях видела!

– Точно, я сидела тут в субботу.

– Вы не из нашего дома, – отметила баба, – я всех здесь знаю.

– Прямо-таки всех, – ухмыльнулась я.

– Не верите?

– Здесь, наверное, квартир пятьдесят, разве можно со всеми соседями познакомиться!

Толстуха улыбнулась:

– Нас всех из одного общежития сюда переселили. Во повезло!

– В чем?

– Так жили мы в жутком бараке, – обрадованно стала объяснять фанатка любовных романов, – и никогда бы нам квартиры не видать, только Лужков, дай ему бог здоровья и счастья, надумал третье кольцо строить, а дорогу аккурат на месте нашей развалюхи запланировали. И вот радость! Барак-то три! Два как стояли, так и остались, а наш сломали и всем квартиры тут понадавали. Ну скажи, бешеное везение!

Я кивнула:

– Не со всяким такое случится!

– Да ваще ни с кем!

Решив, что настал удобный момент, я спросила:

– Помните, в субботу, ну вы еще около меня на скамеечку сели, два парня пьяных тетку из подъезда выволокли.

– Неа, – разочарованно протянула собеседница, – а зачем? Чего в них интересного? Тут почти все мужики каждый день выпивши, это в будни, а в выходной ханку принять – святое дело, никто даже ругаться не станет. Должен же хозяин отдохнуть!

– Вот-вот, – я постаралась освежить ее память, – вы так тогда и сказали: «Соседи отдыхают». Они еще бабенку до «Жигулей» доволокли и внутрь запихнули.

– Точно, – хлопнула себя толстуха по тому месту, где у женщин бывает талия, – Витька Каретников с приятелем! Знаешь, чего он делает?

– Нет.

– Райка, жена его, сменами работает, – зачастила баба, – сутки через двое, в метро она пашет, уборщицей, а Витек на лесопилке, доски режет, тут недалеко, на нашей улице заводик стоит. Когда Райка дома, Витька прям шелковый, помойку выносит, за картошкой ходит, ковер трясет. Стоит ей на смену уйти, все, мигом нажрется. Целый день водяру трескает, ночь отсыпается, утром огурцом Райку встречает. Вот повезло бабе!

– Вы так считаете?

– Конечно, – грустно ответила гора сала, – мой-то никого не боится и целыми сутками квасит. Нажрется и лупит нас с Лидкой.

– В какой квартире этот Витя живет?

– В двадцать девятой, мы с ним на одной площадке.

– А его приятель?

– Не из наших он.

Забыв проститься с говорливой сплетницей, я понеслась в подъезд и, не притормаживая, долетела до нужного этажа. Палец нажал на кнопку звонка. Не успела я услышать слабое треньканье, как дверь распахнулась. На пороге стояла женщина, напоминавшая персонаж анекдота о счастливой семейной жизни: рыхлое тело облачено в застиранный халат, на ногах резиновые шлепки, голова топорщится от бигуди. В поднятой правой руке нимфа держала скалку.

– Явился, – завела было она, но потом осеклась и уставилась на меня маленькими карими глазками, торчащими из щек, словно изюминки из калорийной булочки.

– Здравствуйте, – улыбнулась я.

– Здравсти, – весьма приветливо ответила баба, – небось напугала вас, уж извините. Муж у меня загулял – Витька. С субботы носа не кажет, думала, он появился. Вот, поучить хотела.

– Виктор Каретников ваш супруг?

– Ну да, Витька, – кивнула тетка, опуская скалку, – алкоголик чертов! Впрочем, все мужики такие, мой еще не самый плохой, вон у Натки...

– Вы Раиса?

– Точно.

– Виктора с субботы дома нет?

– Ага.

– А с кем он запил?

– Кто ж его знает, – вздохнула Рая, – я смену отработала, прихожу – никого. Вот приползет – спрошу, только лучше б ему домой не заявляться.

– Почему? – удивилась я.

Раиса положила скалку на полочку у зеркала, сунула руку в карман и вытащила белый носовой платочек. Один угол его украшала изящная монограмма «ГС». Мигом в моей голове ожило воспоминание. Вот Галка влезает в мою машину, жалуется на жизнь, потом вынимает из сумочки кружевной платочек и чихает.

– Ты бы как поступила? – потрясла передо мной куском батиста Рая. – Я пришла домой уставшая, как сковородка, на столе пустая бутылка, все котлеты сожраны, а под кроватью эта дрянь валяется! Убью на фиг, лучше ему сюда не возвращаться, без греха тогда буду. А увижу – не сдержусь. Погоди, ты кто?

Ее маленькие глазки потеряли приветливость, а лицо стало жестким.

– Витя пил вместе с моим мужем, – быстро соврала я, – того тоже с выходного дома нет, вот я его искать отправилась. Добрые люди подсказали: с Каретниковым мой гулял.

Складка на лбу Раисы разгладилась.

– А... а, я ничем тебе не помогу, уж извини. Да ты не убивайся, сам придет! Очмоняется и заявится, жрать захочет – прибежит!

Я притворно вздохнула:

– У вас же машина есть?

– Имеется «шестерка», – гордо ответила Рая.

– Номер не подскажете?

– 337 МОМ, а что?

– Да нет, просто так!

Раиса хмыкнула и захлопнула дверь, я не стала вызывать лифт и пошла пешком вниз по лестнице. Однако странно. Толстая любительница любовных страстей только что рассказала мне о том, как Витя боится своей гневливой жены. Впрочем, понять парня можно. Если стокилограммовая Раечка каждый раз колотит ослушника скалкой, его следует пожалеть. Но не в этом суть. Витя гуляет в отсутствие супруги, и к ее возвращению со службы уже вполне трезв. А тут исчез на несколько дней. Вошел в штопор? Загудел с приятелями и теперь боится идти домой, справедливо полагая, что везездие за веселые минуты будет ужасным? И потом, платочек! Он же принадлежит Галке. Она что, не пошла к экстрасенсу? Платок! Ну не дура ли я!

Ноги понесли меня назад. Дверь двадцать девятой квартиры опять распахнулась, и передо мной вновь предстала Рая с деревяшкой на изготовку.

– Это ты! – раздраженно произнесла она.

– Раечка, отдайте мне платочек!

– Какой?

– Ну тот, носовой, который у себя в комнате нашли.

– Это еще зачем?

– Понимаете, – начала лихо врать я, – кажется, я знаю, чей он.

Брови Раи взлетели вверх.

– Да?

– Точно. У меня есть соседка, молоденькая, совершенно без стоп-сигнала, – лихо фантазировала я, – на мужиков без разбору вешается...

– Сука, – процедила Рая, – давить таких надо.

– Точно! Вчера стою на балконе, а она на своей лоджии белье развешивает. Сдается мне, там штук шесть похожих платочков висело. Вы мне дайте его, я пойду сравню.

– На, – протянула Раиса измятый комочек, – ежели он ей принадлежит, уж не поленись мне рассказать, вместе сволочару отходим.

Я кивнула и вызвала лифт.

– Эй, – позвала Рая, – тебя звать-то как?

– Лампа.

– Во имечко чудное! Держи, тут мой телефон записан, только позвони, мухой прилечу и об спину дряни скалку изломаю. Неповадно будет в другой раз с чужими мужьями перепихиваться!

Глава 4

Ленька распахнул дверь и взвизгнул:

– Какого... ты приперлась? Сказано было, не смей сюда больше шляться!

Я ткнула ему под нос платок:

– Это Галкин?

Неожиданно Ленька вполне мирно ответил:

– Да. Я привез ей двенадцать штук из Белоруссии.

– С твоей женой случилась неприятность, она...

Ленька шумно вздохнул:

– Вот что, Лампа, против тебя я ничего не имею, ты человек хороший, беззлобный и глупый. А Галина хитрая стервятница, сделай милость, уходи спокойно. Я тебя уже один раз пнул. Извини, конечно, некрасиво вышло, но ты сама виновата, зачем лезешь? Давай по-приятельски разойдемся.

– Галю похитили, – попыталась я втолковать Лене, – двое парней, пьяных, засунули ее в «Жигули» и увезли в неизвестном направлении, платок она потеряла, это единственная улика.

Ленька засопел:

– Лампа, просил же! Галина, конечно, поняла, что совершила ошибку. Мужа на любовника не меняют, да только поздно, я ее назад ни под каким видом не пущу, умирать на коврике станет, дверь не открою, кое-что жене не прощают. Извини, мне супруга секунд-хенд не нужна. Я очень хорошо знаю, что она задумала. Решила спектакль разыграть. Вот и сунула тебе платок.

– Нет, ее...

Леня побагровел:

– Просил же по-хорошему, но тебе хоть кол на голове теши! Уходи, не доводи до греха!

– Галю убьют!

– Туда ей и дорога! – заорал Леня и с такой силой шваркнул дверью, что со стены упал кусок штукатурки.

Чуть не задохнувшись от возмущения, я пошла к машине. Ну, Леонид, погоди. С Галкой случилась беда, ей нужна помощь. Сорокина никогда бы не стала заводить шашни с Витей Каретниковым. Я не очень высокого мнения о моральных качествах Галки, думается, попадись ей на жизненном пути обеспеченный, способный удовлетворить ее желания кадр, Сорокина могла и вильнуть налево. Но закрутить любовь с нищим алкоголиком?! Сие не для нее. Галочка слишком себя любит. Следовательно, ее похитили. Кто? Зачем? Хотят выкуп? Ленька вполне обеспеченный мужчина, но его доходы не столь и велики. Ездит Сорокин на недорогой «Нексии», дачу построил щитовую, на расстоянии пятидесяти километров от Москвы. Еще Ленька частенько повторяет фразу: «Работаю, как цирковая обезьяна, а все на унитазах уходит!»

Зачем красть у него супругу? Огромный выкуп он за нее не заплатит. Может, Галка узнала чужую тайну? И теперь ее убрали, чтобы она не молола чересчур длинным языком? Одни вопросы без ответов. Ясно одно: моя знакомая в беде. Да, я не очень люблю Галку, мне категорически не нравятся ее лень, эгоизм и вечное нытье. Но это ведь не повод, чтобы оставить ее в тяжелой ситуации одну. Ленька зол на жену и заявления в милицию о ее пропаже не понесет, да и не считает он супругу пропавшей. Ирина Глебовна тоже пальцем не пошевелит, чтобы помочь невестке, а Алиска жалеет лишь о футболке и цепочке! Пойти самой в милицию?

Может, кто другой и поступил бы столь наивно, но я-то имею в ближайших друзьях майора Костина и очень хорошо знаю: в районном отделении крайне неохотно принимают заявления о пропаже людей даже у ближайших родственников. Никто не хочет портить процент «раскрываемости» и получить себе на голову очередной «висяк» вкупе с выговором от началь-

ника. Первое, что слышат встревоженные люди в милиции, это фразу: «Подождите три дня, небось загулял, скоро явится».

А со мной там вообще не станут разговаривать. Ну, предположим, каким-то чудом удастся уговорить ментов, и они, находясь в состоянии умопомешательства, возьмут заявление. И что дальше? Первый, к кому отправятся служивые, будет Ленка. На этом весь процесс расследования закончится, жены, убежавшие от постылых супругов к страстным любовникам, ментов ни с какой стороны не волнуют. И как поступить? Попросить Вовку помочь? Ага, я хорошо знаю, что он ответит: «Лампудель, не лезь не в свое дело! Милые бранятся только тешатся. Леня и Галя помирятся, а с тобой больше никаких дел иметь не захотят!»

Отчасти Вовка будет прав, никогда не следует вмешиваться в чужой супружеский скандал и активно принимать в нем чью-то сторону. Муж и жена, скорей всего, помирятся, а вам откажут от дома. Но здесь-то иная ситуация. Что ж, придется самой разбираться в этой истории, чует мое сердце, с Галкой приключилась настоящая беда!

Оказавшись в центре, я позвонила Вовке, услышала резкое: «Костин слушает», и спросила:

– Как делишки?

– Чтоб я тебя больше не видел, – заорал Вовка, – пропади с глаз!

– Что я сделала-то? – испугалась я, припоминая все свои грехи.

Ну сожгла вчера брюки майора утюгом и, чтобы он не очень злился на меня, затырила портки на самое дно бачка для грязного белья. Как только он узнал про это? Ведь никогда не роется в бачке, просто швыряет туда рубашки! Хотя, может, Вовка разведал про то, кто долбанул в зад его «восьмерку»? Ей-богу, я не хотела, парковалась в темноте и совершенно случайно задела его колымагу. Честно говоря, у майора не авто, а ржавое корыто, лишняя вмятина на нем погоды не делает. Но Вовка так возмутился и топал ногами, что у меня духу не хватило честно признаться в содеянном.

– Извини, – другим тоном сказал Вовка, – это я не тебе.

– Что случилось?

– Пожар в обезьяннике, – сердито бросил Костин, – все визжат и прыгают из окон. Вадька – кретин...

– Не хочешь кофе попить?

– Можно.

– А я как раз около тебя.

– Ладно, – вздохнул Вовка, – спускаюсь.

Набрав себе бутербродов, Костин принялся мрачно их разглядывать.

– Колбаса как-то странно выглядит, – сказал он. – А ну, понюхай!

– Почему я? Сам и обнюхивай! – возмутилась я.

– У меня нос нежный, – не дрогнул майор, – если вонь учую, мигом стошнит.

– Ага, а я, значит, с детства живу на помойке и адаптировалась к воню.

– Ну как? – Вовка ткнул мне в лицо сэндвич.

– Нормально.

– А выглядит ужасно! И сыр сохлый!

Я изучила кусок свежайшего сыра.

– У тебя просто плохое настроение!

– А с чего ему быть хорошим? – разозлился Костин, отхлебывая капуччино. – Фу, здесь кофе и не пахнет! Одна пена! Кругом идиоты и воры!

– Да что случилось?

Вовка с грохотом поставил чашку на блюдечко, светло-коричневая жидкость выплеснулась на стол.

– Вадька Пивоваров кретин!

Я молча пила вполне пристойный капуччино. Если задавать майору вопросы, он из вредности не ответит ни на один, лучше посидеть с закрытым ртом, тогда он сам расскажет, в чем дело.

Вовка покачал головой, слопал обруганные бутерброды, вытащил сигареты и буркнул:

– Ты в курсе, конечно, что мужья от жен заначки делают?

Я кивнула:

– Естественно.

– Так вот, – слегка успокоившись, продолжал Вовка, – классическим местом для утаивания от супруги денег у ментов считается ствол пистолета. В него запросто входит пара аккуратно свернутых трубочкой купюр.

Я хихикнула. Здорово! Редкая женщина не боится огнестрельного оружия. Одна беда – много денег туда не положить. И потом, к счастью, нечасто, но все же бывают ситуации, когда нужно воспользоваться пистолетом.

Сотрудник Вовкиного отдела, Вадим Пивоваров, решил копить на новую машину. Задуманному мешала его супруга Ленка, ухитрявшаяся тратить все семейные деньги на ерунду. Хотя, положа руку на сердце, Вадькина зарплата не слишком велика. Пивоваров почесал в затылке и пристроился в свободное время подрабатывать. От Ленки он этот факт скрыл. Просто врал ей, что в городе объявлено особое положение и ему нужно дневать и ночевать на службе. Но, зная особый нюх супружницы на деньги, Вадька решил обезопаситься. Живут они с Ленкой в крохотной однушке, укромных уголков в ней наперечет, и Вадик рассудил просто: если нельзя отучить жену искать бабки, то следует раз и навсегда отбить у нее охоту брать захованные купюры. Задумано – сделано. Ох, не зря говорят, что самое страшное для России – это солдатская смекалка. В милицейском обиходе имеется штука под названием «химловушка». Используют ее в разных ситуациях. В частности, ее можно замаскировать под пачку денег. Вот наш рационализатор так и поступил. Оставил заряженную ловушку в прихожей, в ботиночнице.

Представьте состояние Вовки, когда в его кабинет ввалилось inferнальное существо, смахивающее на коренного жителя Марса, и принялось страстно ругаться, размахивая окрашенными в пурпурный цвет руками. С трудом узнав во взбешенной посетительнице Ленку, Вовка мигом въехал в ситуацию. Не успел Вадька поставить «капкан» и убежать на работу, как Ленка, обнаружив «зачачку», схватила ее. Механизм сработал мгновенно, «химловушка» безотказная вещь. Произошел небольшой взрыв и выброс вещества, имеющего бурую окраску и практически несмывающегося. Ловушка-то задумывалась для того, чтобы преступник потом длительное время ходил меченый. Вид ярко-красного лица и рук привлечет внимание сотрудников ГУВД. И еще при помощи этого нехитрого приспособления очень легко вычисляются в трудовых коллективах воры.

Плачущая Ленка потребовала наказать Вадима.

– Я на вас комиссию натравлю, – орала она на Вовку, – вот как вы государственные средства разбазариваете! В личных целях используете!

Костин попытался утешить взбешенную бабу, но в какой-то момент, глянув в ее лицо, напоминавшее физиономию индейского воина перед смертельной схваткой, не удержался, захохотал и брякнул:

– А ты, Ленка, не лазай по щелям, не тырь мужнины денежки!

Ленка завизжала и понеслась к вышестоящему руководству. Поняв, что сглупил, Вовка прикусил язык, да поздно. Слово, оно, как известно, не воробей, вылетит – не поймаешь. Машина репрессий завертелась, и всем мало не показалось.

– Бедненький, – пряча предательскую улыбку, завела я, – каждый день у тебя фигня случается!

– Чего тебе от меня надо? – прищурился Костин.

– Что за ерунда пришла тебе в голову!

– Знаю ваше высочество как облупленное. Прикатила ко мне на службу...

– Я просто ехала мимо.

– Не ври, говори коротко, ясно изложи суть проблемы.

– «Жигули»-337 МОМ, можешь узнать по своим каналам, не случилось ли чего с автомобилем и кто находился в салоне?

– Зачем?

– Понимаешь, в наше агентство обратилась Раиса Каретникова. Муж у нее пропал, уехал в субботу из дома, и до сих пор его нет. Она-то предполагает, что он сбежал к любовнице, мы сейчас будем отрабатывать эту версию, но хочется полностью исключить всякие ДТП.

– Сотрудники ГИБДД обязаны оповещать родственников.

– Знаю, но он сел за руль подшофе и, скорей всего, без всяких документов.

Костин начал барабанить пальцами по столу. Я сморщилась и принялась усиленно шмыгать носом.

– Нам так редко достаются хорошие заказы, Раиса заплатила крупную сумму.

– Ладно, – сдался Вовка, – езжай домой. Как узнаю – сообщу.

– Ты мой котик! – воскликнула я, пытаюсь обнять майора.

Костин шарахнулся в сторону:

– Только без поцелуев, ты надушилась какой-то невероятной гадостью!

– Интересное дело! – возмутилась я. – Сам же подарил мне на Восьмое марта эти духи!

– Да? Вот уж не предполагал, что они столь вонючи, – отбрлил Вовка.

Решив побаловать своих, я зарулила на рынок и купила кусок телятины. Это только кажется, что мясо трудно готовить. На самом деле вы потратите на это считанные минуты. Берете кусок, тщательно моете, солите, сверху кладете на него пару долек чеснока, нарезанных на мелкие кусочки, потом аккуратно заворачиваете будущий ужин в несколько слоев фольги – и в духовочку. Тут главное – соблюсти несколько простых правил. Ни в коем случае не покупайте для запекания говядину. Вам подойдут телятина, свинина и баранина. А фольги должно быть столько, чтобы мясо тщательно спряталось, если наружу высунется даже малюсенький кусочек, блюдо будет безвозвратно испорчено. И не берите дорогущую вырезку, дешевая лопатка, почечная часть или окорок получаются не хуже.

Напевая, я уложила блестящий пакет на противень и глянула на часы. Так, телятины полтора килограмма, за два часа она превратится в неземное лакомство. Теперь быстренько наведем ревизию в холодильнике и позволим себе чашечку чая. Я распахнула дверцу. Вот здорово! За продуктами пока можно не ходить, йогуртов полно, молоко, кефир, масло... А это что? Баночка с чуть засохшими остатками плавленого сыра.

– Эй, Мульяна, поди сюда!

Мопсика, спавшая на диване, даже не пошевелилась.

– Муля, кому говорят, бегом к маме.

Но собачка не испытывала ни малейшего желания стаскивать тучное тельце с мягкой, уютной лежанки и топтать через всю комнату на кривых лапках. Она даже не приоткрыла глаз.

– Ада, – позвала я.

Раздалось бодрое цоканье, из коридора на крейсерской скорости принеслась Ада и стала шумно вздыхать, преданно глядя мне в лицо. Я поставила перед ней коробочку с остатками «Виолы». Адюня, повизгивая от восторга, принялась вылизывать «ванночку». Муля, услышав звуки, издаваемые подругой, наострила уши, потом, сопя, стекла с оттоманки и приплюхала на кухню. Ее толстый, скрученный тугим бубликом хвост, медленно ходил из стороны в сторону, на складчатой морде была написана явная обида. Умей Мульяна говорить, она бы произнесла: «Интересное дело! А где моя порция? Так нечестно».

– Я тебя звала, но ваше высочество не соизволило даже глянуть в сторону хозяйки, – объяснила я ей, – знаешь, все вкусное и хорошее достается ласковому теленку! Вот Адюша прилетела мигом, теперь уплетает незапланированный полдник.

Мульяна горестно вздохнула и поплелась к дивану. Ее спинка сгорбилась, хвостик повис. Я не вынесла страданий мопсихи и велела:

– Давай назад!

Муля развернулась и воссела у холодильника, я вытащила кусок сыра. Откуда ни возьмись, словно грибы после дождя, на пищеблоке материализовались Рейчел и Рамик. Я отрезала им по ломтику. Чавк, чавк, сыра как не бывало. Четыре пары карих глаз преданно смотрели на меня, четыре хвоста работали изо всех сил.

– Хватит, – решительно заявила я, – хорошего понемножку, в больших дозах счастье вредно!

Внезапно Мульяна повернулась, замерла, а потом кинулась к двери. Для меня остается загадкой, каким образом мопсиха чувствует, что через мгновение кто-то начнет звонить в дверь? Вот и сейчас не успела Мулечка подлететь к двери, как полилось треньканье. Забыв глянуть в «глазок», я распахнула дверь и попятилась. На лестничной клетке стоял мужчина самого безумного вида.

На большой круглой, похоже, на лысо бритой голове, сидела крохотная полотняная кепочка. Когда-то такую носил мой отец. Худощавый, даже тощий торс облегала рубашка в красно-черную клетку, еще на нем были сильно измятые серые брюки и ярко-желтые ботинки, покрытые слоем городской пыли. На полу стоял потрепанный саквояж, а в правой руке мужик сжимал елку. Вернее, сухой ствол с торчащими в разные стороны колючими ветками.

Я заморгала. Учитывая жаркий май, хвойное дерево – самая необходимая вещь в хозяйстве. Надеюсь, он не хочет мне его продать? Сейчас по квартирам постоянно бродят странные личности, торгующие непонятными вещами. Намедни заявила тетка, пытавшаяся всучить мне электрическую чайную ложку. Честно говоря, я была удивлена до крайности, увидав сей предмет.

– Страшно полезная вещь, – затараторила коробейница, – садитесь чаевничать, втыкаете приборчик в сеть, опускаете ложечку в воду – и пошло-поехало. Никаких лишних усилий, просто держите эту фиговину, а она сама все за вас сделает.

Я покосилась на пластмассовую поварешку размером с батон «Докторской» колбасы и решительно сказала:

– Нет! Я вполне способна размешать сахар дедовским способом.

Но настойчивая коробейница не собиралась уходить. Она стала усиленно размахивать руками, требовать, чтобы я немедленно заварила чай и произвела испытание суперстолового прибора. Слава богу, домой явился Сережка и вытолкал бабу. А сегодня, пожалуйста, новое лицо, на этот раз с елкой.

– Здравсти, – заулыбался дядечка.

– Добрый день, – осторожно ответила я.

– Жарко как, спасу нет.

– Май в нынешнем году слишком теплый, – поддержала я светскую беседу.

Мужчина кашлянул:

– Простите, а Екатерина Романова тут живет?

Я похолодела. Это не коробейник, а намного хуже. Это какой-то провинциал, желающий использовать нашу квартиру в качестве гостиницы. Катастрофа!

Глава 5

Вы не осудите меня, если узнаете, что первым моим желанием было заявить: «Вы ошиблись, уважаемый. Очевидно, неправильно записали адрес. Никакой Екатерины Романовой тут и в помине нет».

Но потом я устыдилась, навесила на лицо любезную улыбочку и ответила:

– Катя сейчас на работе. Если хотите ее срочно увидеть, могу дать адрес больницы.

– Нет, нет, – замотал головой дядечка, – я Юра. Катя обо мне небось вам рассказывала.

– Юра? – воскликнула я.

– Ага, Юра Волков, неужто не знаете?

– Ах Юра! Волков!!! Заходите, сделайте одолжение, – изобразила я полнейший восторг, – как же, как же, я хорошо вас знаю, правда, заочно. Юра Волков!

– Вот и здорово, – обрадовался дядька, втискиваясь в нашу не слишком широкую прихожую, – а то я прям струхнул. Вдруг вы меня не пустите, куда мне тогда податься? В Москве я никого не знаю, денег на гостиницу у меня нет. Где елочку прислонить?

У меня чуть не вырвался адекватный ответ на вопрос: «Сделайте милость, оставьте ее во дворе у мусорного бачка».

Но тут во мне некстати проснулось хорошее воспитание, данное мамой, и я, мило улыбаясь, прощбетала:

– А вот тут, в уголочке.

Юрий с сомнением крякнул:

– Уж извините, но лучше на кухне, в тепле, а то, боюсь, короеды помрут, они, говорят, плохо переносят сквозняк, впрочем, я не знаю, может, и врут люди, но лучше перебдеть.

– Кто умрет? – поинтересовалась я, на всякий случай отодвигаясь подальше от явно психически ненормального дядьки.

– Жучки, – охотно объяснил Юра, – никак нельзя, чтобы они погибли.

– Ах жуки-и, – протянула я, улыбаясь, словно японка, увидевшая начальство мужа, – понятненько! Если жуки, тогда да. Конечно, никаких проблем.

Придется соглашаться с ним во всем, я очень хорошо знаю, что с психами спорить никак нельзя. Сумасшедший может выйти из себя и начать кидаться предметами. Как назло дома нет никого!

Юра приволок елку на кухню и поставил в угол.

– Сейчас объясню суть дела, – начал он, но тут вдруг послышался веселый голос Кати.

– Дома есть кто?

– Мы тут! – завопила я, чувствуя невероятное облегчение.

Катюша влетела в кухню, грохнула на стол большой пакет, набитый снедью, и с чувством произнесла:

– Фу! Сил нет!

– Это Юра, – сказала я, показывая на гостя.

– Очень приятно, – улыбнулась Катя, – ой, а почему тут елка стоит?

– Она Юрина, – быстро ответила я, – на ней жуки живут, им страшен сквозняк.

– Жуки так жуки, – легко согласилась Катя и стала наливать себе чай.

– Вы надолго к нам? – бесцеремонно поинтересовалась я.

– Сейчас объясню, – завел Юра, и тут я увидела, как наглая Ада меланхолично пристроилась около корявого ствола, совершенно не по-дамски задрала лапу и с элегическим выражением на морде начала писать на елку. Слава богу, Юра сидел спиной к хвойному дереву и не увидел этого безобразия.

Глупо хихикая, я протиснулась к елке и от души шлепнула мопсиху полотенцем. Адюся хрюкнула, но процесс не прервала, она простояла у ствола почти пять минут. Катя, тоже заметившая Адюшины упражнения, начала громко рассказывать о том, как у нее прошел день. Наконец Ада ушла, я перевела дух, и тут в кухню влетела Лизавета.

– Вау, елка! Вы ее зачем с помойки притащили?

– Это Юрина, – хором ответили мы с Катей, тыча пальцами в мужика, вливавшего в себя третью кружку чая.

– А зачем она вам? – с детской бесцеремонностью поинтересовалась Лизавета. – Икебаной увлекаетесь? У моей подружки Нюси мать тоже сумасшедшая, всю квартиру сухими палками заставила, у них в гостиной на люстре шишки висят и верхушка от ананаса!

– Да ну? – удивилась я.

– Ага, – фыркнула Лиза, – композиция называется «Нирвана», призвана успокаивать, расслаблять и вводить в состояние блаженного расположения духа. Так зачем елка-то! Фу, от нее плохо пахнет!

Я покачала головой. Однако странных людей вокруг намного больше, чем кажется на первый взгляд. Надо же, шишки и объедки ананаса! Неужели кто-то способен получить кайф, наблюдая такую красоту? У меня бы постоянно чесались руки от желания ее сдернуть, а потом мухи небось так и липнут к сладкой верхушке!

– Сейчас объясню вам суть, – завелся Юра, и снова безуспешно.

С воплем: «Дадут мне есть?» – к нам ворвался Сережка.

Он окинул взглядом пейзаж и воскликнул:

– Ну, Лампудель, у тебя от жары разум помутился? Новый год давно прошел. Впрочем, ты непоследовательна, раз уж водрузила тут мумию елки, то должна бы сидеть под ней в бороде из ваты!

– Я никакого отношения не имею к этому дереву! – возмутилась я.

– Да ну, – хмыкнул Сережка, хватая кусок колбасы, – в нашем доме многие способны на экстравагантные поступки, но наряжать в мае сухие ветки, согласись, это все же в твоем духе!

– Сейчас объясню суть дела, – терпеливо повторил Юра. – Вау! – заорал влетевший Кирюшка. – Есть чего на ужин?

Следом за мальчиком из коридора вынырнула Юля.

– Господи, чем у нас тут воняет? Елка! Лампа! Ты совсем того, да?

Я обозлилась до крайности. На кухне собралась вся семья, однако Юля почему-то посчитала именно меня «автором» затеи.

– Сейчас объясню суть дела, – зудел Юра.

– Сделай милость, – рявкнула я, – хватит собираться с духом, немедленно излагай, какого черта ты таскаешься с этой палкой!

Юра, подавившись чаем, откашлялся и монотонно забубнил. Через пару минут все стало на свои места.

Юра живет далеко, местечко, где находится его родной дом, носит поэтическое название «Гнилая гора». Это небольшой поселок из пяти домов, окруженный со всех сторон лесом. Жители ведут почти первобытно-общинный образ жизни. Телевизор, телефон и компьютер у них отсутствуют. Зато в каждой избе имеется радиоприемник на батарейках, электричества тоже нет, как, впрочем, горячей воды и канализации, а газ привозят в баллонах. До ближайшего населенного пункта, места цивилизованного, с магазином, почтой, аптекой и больницей – семь километров. Сами понимаете, никаких рейсовых автобусов тут не предусмотрено. Летом туда можно легко добраться на велосипеде или на мотоцикле, зимой – только на лыжах. Хуже всего приходится весной и осенью, вот тогда Гнилая гора превращается в изолированное место, топкая грязь не позволяет высунуться за околицу.

Все жители деревни работают лесниками. Лес для них живое существо. Юра знает на своем участке каждое дерево и здороваается со всеми зайцами. Никакого желания перебраться в большой город он не испытывает – чего хорошего в пыльной, загазованной Москве? В Гнилой горе изумительный воздух, на огороде всюду прут овощи, а в речке ловятся на голый крючок метровые рыбины. Грибы, ягоды... А зимой Юра лежит на печке и читает книги. Аборигены Гнилой горы люди непьющие и совсем не тупые. Они сообща выписывают по каталогу всякие новинки, делают заказы в мае, в конце августа на почту прибывают посылки, их перетаскивают в деревню, и, как только начинают сеять дожди, гнилогорцы открывают читальный сезон. Жить бы им не тужить, да приключилось несчастье.

Невесть по какой причине лес начал погибать. Со многими елками стряслась одинаковая беда. Хвоя стала осыпаться, и вскоре достаточно большой участок тайги напоминал место падения Тунгусского метеорита. Обеспокоенные гнилогорцы попытались понять, что за напасть приключилась с посадками. Вскоре они сделали вывод: на деревьях поселились какие-то букашки, ловко сжиравшие хвою. Гнилогорцы окрестили паразитов короедами и решили расправиться с ними. Главный лесничий, то есть Юра, насобирал паразитов, принес их в свою избу и вознамерился попробовать на них имеющиеся в наличии ядохимикаты. И тут выяснилась интересная вещь. Мерзкие создания, снятые с елки, умирали почти мгновенно, во всяком случае, до дома Юра ни разу их живыми не донес. Зато на елке исчадия ада могли существовать годами, причем чем суше и обглоданней выглядела она, тем лучше чувствовали себя «клопы». И еще – ни одно из средств, имевшихся в распоряжении Юры, на них не действовало. Наоборот, опыленные ядом жучки словно молодели и активизировались. Учитывая тот факт, что вне дерева эти дряни моментально гибли, Юра мигом придумал способ борьбы с непрошеными гостями. Ели следует обтрясти – и дело с концом. Но потом он понял, что ему в голову взбрела глупость – вы попробуйте подергайте в разные стороны двухметровую зеленую красавицу, да и не свалятся все короеды, кто-нибудь останется.

Погоревали гнилогорцы и решили все же не сдаваться. Собрали денег и отправили Юру в Москву, в Тимирязевскую академию, там сидят люди ученые, все сплошь кандидаты и доктора наук, изучат напасть и выдадут эффективное средство борьбы с бедой. Но как довезти жучков живыми, если онидохнут моментально, лишены пищи? Пришлось тащить с собой елку.

По мере повествования, Сережка и Лизавета, сидевшие в непосредственной близости от дерева, начали отодвигаться от него, и в тот момент, когда Юра замолчал, оказались в разных углах стола.

– И чего? – ожила Лиза. – Больно они кусаются?

– Нет, – успокоил ее Юра. – Людей они вообще не трогают.

– Ты уверен? – с сомнением покосился на гостя Сережка. – А то расползутся по всей квартире!

– Нет, – принялся увещать его Юра. – Они смирные, не бойтесь.

– Никто и не боится, – обозлился Сережка, – давайте лучше ее на лоджию выставим.

– Ой, не надо, – испугался Юра, – у вас экология плохая, еще передохнут.

– Вот и хорошо, – не сдался Сережка, – заодно и узнаешь, что жуки городской смог не переносят.

Юра вздохнул:

– Мне же надо яд с собой привезти, хоть немного, пока зараза по всему лесу не распозлась. Я за этих короедов, как за детей малых волнуясь, как бы они не умерли невзначай до академии! От сквозняков их берег! Эх, рассказать бы вам, как я в поезде ехал, да боюсь, не поверите. А в Москве у вас люди-то злые! В метро меня не пустили, в автобус тоже!

– А как же ты добрался? – заинтересовался Сережа.

– Так пешком.

– С вокзала? – ужаснулся Кирюшка.

– Ага.

– Ужасно! – воскликнула Катя. – Через весь город на своих двоих!

– Привычный я, – успокоил Юра, – каждый день по лесу не меньше пятнадцати километров наматываю. Вот только воздуха у вас нет.

Юля встала и велела гостю:

– Вы ступайте в ванную, я сейчас полотенце чистое принесу.

– Оно и правда побаниться неплохо, – кивнул Юра, – в поезде не помыться было, а уж грязи! Не один день-то ехал.

– Надо было самолетом лететь, – влез Кирюшка, – вжик – и в Москве.

– Денег у меня только на плацкарт хватило, – пояснил Юра и пошел за Юлей.

Сережка сердито глянул на меня:

– Ну и где ты нашла это чудовище?

– Сам притопал!

– Адрес откуда взял?

– Он спрашивал Екатерину Романову, – быстро сдала я подругу.

– Мать, – сурово сказал Сережка, – когда ты прекратишь всем раздавать наши координаты? Ты вообще где с ним познакомилась?

Катюша с сомнением забубнила:

– Гнилая гора, Гнилая гора... Я в прошлом году, осенью, ездила в командировку, может, в Омске, в клинике?

– Ты не помнишь? – подскочил Сережка.

– Нет, – честно призналась Катюша, – я думала, он к Лампе заявился!

– Офигеть можно, – заявила Лизавета, – ты его что, не узнала?

– Нет, – покачала головой Катя.

– Безобразие, – завел было Сережка, но тут в кухню вошел Костин, устало сел на табуретку и мрачно сказал:

– Знаешь, Лампа, шутка с елкой, притащенной с помойки, одна из самых неудачных за последнее время. Даже устроенное тобой короткое замыкание кажется ерундой!

Я встала и ушла в свою комнату. Короткое замыкание! Ну случился такой факт, совершенно ненарочно, моей вины в нем нет, просто отчего-то утюг, включенный в сеть, решил испортить проводку. Я же не виновата, что кто-то пролил на вилку чай, просто всунула ее в розетку, хорошо хоть меня не убило!

Минут через десять Вовка заглянул ко мне.

– Слышь, Лампецкий, не дуйся, ну ошибся я.

– Ага-а, – обиженно протянула я, – сразу на меня накиннулся.

– Я узнал тебе про машину, – залезил Вовка.

– Правда? – обрадовалась я. – И что?

– ДТП со смертельным исходом, – вздохнул Костин, – водитель и пассажир на месте скончались. В субботу погибли, вечером.

– Да ну! – пробормотала я.

– Обычное дело, сели пьяными в машину, вот и результат. Хорошо, что никого с собой на тот свет не прихватили! – сердито закончил Вовка. – Дураков полно! Сам разбился и еще невинных людей погубил! Эти хоть одни пострадали. Я считаю, что нужен закон: у пьяного водителя навсегда отнимают права и запрещают ему в дальнейшем приобретать машину. Может, тогда бы кое-кто и поостерегся!

Я медленно переваривала информацию. Одурманенный градусом или наркотиками шофер – подлинное несчастье. Не так давно я ехала по Ново-Рижскому шоссе и была немало удивлена, увидав, что шедшая передо мной «пятерка», цвета баклажан, внезапно, без всякого предупреждающего сигнала метнулась из правого ряда в левый. Не успела я, чудом избежав

столкновения, прийти в себя, как «баклажан» совершил обратный маневр, метнулся слева направо, потом он оказался посередине, затем вновь улетел вбок. Я поравнялась с «пятеркой» и увидела лицо водителя, красное, с остановившимся взглядом. На какие-то секунды шофер падал головой на руль, «Жигули» сносило в сторону, потом дядька встряхивался и начинал выкручивать баранку.

– Почему же ГАИ не сообщила Каретниковой о несчастье? – удивилась я.

– Трупы были без документов, – пояснил Вовка, – ни прав, ни паспортов.

– У машины имеется номер, по нему легко установить адрес владельца!

– Правильно мыслишь, – кивнул Костин, – именно так мы и поступили, только хозяин авто, некий Николай Логинов, жив, здоров и невредим. Колымагу свою он продал по доверенности, понимаешь? Сейчас разберутся и обязательно сообщат, сразу такие дела не расследуются.

Я вздохнула. Так часто поступают, чтобы избежать переоформления в ГАИ. Бывший владелец просто выдает новому генеральную доверенность – и дело в шляпе.

– Адрес этого Логинова у тебя есть?

Вовка вытащил из кармана бумажку.

– На, знай мою нечеловеческую доброту!

Я подождала, пока он ушел, и посмотрела на адрес. Улица Валерьевский тупик, дом девять. Надо же, это в двух шагах от нас. Я очень хорошо знаю эту магистраль, там находится сервис, где я чиню свою многострадальную «шестерку». Не могу сказать, что мастерская самая хорошая в столице, меня в ней устраивают две вещи: во-первых, за реанимацию берут сущие копейки, во-вторых, оставив кабриолет на яме, можно спокойно, за пару минут, неспешным шагом доползти до дома.

Я бросила взгляд на часы, день сегодня просто бесконечный, я успею добежать до Логинова и порасспрашивать его, если он дома. Небось он хорошо знал Каретникова и, вполне вероятно, не раз видел приятелей пьянчуги.

Глава 6

Николай жил в красивой новой кирпичной башне. Лифт вознес меня на пятнадцатый этаж, я увидела три абсолютно одинаковые двери, три идентичных коврика и кадку с искусственным фикусом у стены. Интересно, у них на всех лестничных клетках такой дизайн или только у жильцов этого этажа?

Логинов оказался щуплым мужичонкой в бермудах и цветастой майке.

– А какое вам дело до моей бывшей раздолбайки? – поинтересовался он.

Я вытащила удостоверение.

– «Начальник оперативно-розыскного отдела», – чуть ли не по складам прочитал Логинов и восхитился: – Во, блин! Баба-мент! А от меня че те надо?

– Можно войти?

Николай с сомнением осмотрел меня, потом шагнул на лестницу, притворил дверь и заявил:

– Лучше я сам к вам выйду!

Я подавила усмешку. Хозяин явно не хочет никому показывать нутро своих хором, наверное, это правильно! Мало ли кто заявится неожиданным гостем. Как бы нам с Катюшей научиться вести себя так же. Вспомнив про елку с жуками, я вздохнула и довольно резко спросила:

– Отвечайте, кому вы продали принадлежащую вам машину номерной знак 337 МОМ?

Очевидно, мой тон подействовал на Логинова магически, потому что он бодро отрапортовал:

– А фиг его знает!

– Как это? – растерялась я.

– По доверенности ее отдал.

– Вы мне тут идиота из себя не стройте, – я усиленно корчила из себя сотрудника правоохранительных органов, – у нас ДТП со смертельным исходом, а вы, гражданин, ваньку валяете!

Николай откашлялся. Я, сурово сдвинув брови, смотрела на него. Давно поняла, что люди, бросающие взгляд в мое удостоверение, видят только слова «начальник оперативно-розыскного отдела», строчку, где написано «частного детективного агентства «Шерлок», не замечает никто, Логинов не стал исключением.

– А че тут такого? – забубнил он. – «Жигуленок» ваще убитый, чистый металллом, я на нем девять лет отъездил. Себе новую купил, а развалюху куда? Вот и отволок на рынок. За семьсот баксов поставил, за шестьсот отдал.

– Кому же такие руины понадобились? – недоуменно воскликнула я. – По мне, так лучше подкопить и новую приобрести!

Николай хмыкнул:

– Ну... Не мое это дело! Я продавал, он купил. Могу имя назвать, у меня его данные записаны.

– Ступайте, – приказала я.

Логинов шмыгнул за дверь, я прислонилась к стене, побежали минуты. Николай отсутствовал полчаса, я вся извелась, топчась на площадке, садиться на ступеньки не хотелось. Наконец хозяин вышел.

– Вы еще тут?

– Странно, правда? – сердито спросила я. – Ну кто бы мог подумать! Надеюсь, вы не забыли, зачем уходили домой?

Николай хрюкнул:

– Нет. «Жигуль» я продал Каретникову Виктору Павловичу, домашний адрес...

– Спасибо, – устало остановила его я.

Круг замкнулся.

– Адрес не давать?

– Не надо.

– Зачем тогда искали?

– Для тренировки, – ляпнула я.

– Ну как хотите, – пожал плечами Логинов, на его лицо напоззло обиженно-недоуменное выражение.

Такое поселяется на морде у Ады, когда она понимает, что еда в миске подошла к концу.

– Коли не надо, так не надо, – бубнил Николай, – а чего, он сбил кого?

– Нет, похоже, сам погиб, – пояснила я, – если, конечно, это он за рулем сидел, а не кто-нибудь из его приятелей. Вы, конечно, друзей Каретникова не знаете?

– Я с ним самим-то не особо знаком, – огрызнулся Николай, – всего один раз и видел.

Я медленно побрела домой. Нет, надо сейчас же позвонить этой Раисе, вдруг Витя вернулся в родные пенаты. Скорей всего, глава семейства просто «загудел» и, потеряв способность возвратиться к грозной супруге, предпочел убежать, дабы не быть битым скалкой, а машину дал кому-нибудь, ну попросили его помочь! Придется снова ехать к Каретниковой, по телефону трудно выяснить адреса всяких знакомых ее мужа, и потом... Если все же Виктор погиб, не сообщать же ей об этом в трубку! Так нельзя!

На этот раз Рая встретила меня без скалки, халат на ней, правда, красовался прежний.

– Привет, – довольно радушно проронила она, – ну что, он там?

– Где? Кто? – не поняла я.

– Витек мой, – прищурилась Раиса, – у твоей соседки? Ну, у той, что платок посеяла!

– А Каретников не вернулся?

– Неа, – вздохнула Рая, – у меня прямо злость пропала, теперь думаю, может, стряслось чего? Витька, он вообще только по водке. С бабами у него не того... плохо получается, через два раза на третий подымается. Да ты заходи, чего на ступеньках болтать.

Я вошла в душную квартиру.

– В комнату иди, – велела Раиса, – не, там кухня, налево ступай.

Я послушно переместилась в помещение, служащее в доме гостиной. Наверное, комнатой пользовались редко, в ней царил какой-то нежилой порядок. Большой диван был покрыт красно-черным ковром, такие же накидушки украшали и два кресла. Посередине громоздился стол, накрытый белой клеенкой, прикидывающейся скатертью. На нем стояла хрустальная ваза, из которой торчали пластмассовые ромашки. Легкий ветерок шевелил темно-зеленые занавески. Стены украшали картины, очевидно, купленные у метро, два пейзажа и натюрморт. На буфете в рамке стояла фотография. Молодая, хорошенькая Раиса нежно склонила голову на плечо парня, больше смахивающего на мокрого воробья, чем на отца семейства.

– Это Виктор? – ткнула я пальцем в снимок.

Рая кивнула:

– Ага, перед свадьбой фотографировались.

– Ваш муж такой худой!

– Чистый Кашей, – подтвердила Рая, – все жрет и не толстеет, я же клюю, как птичка, а гляди, как меня разнесло! А чего ты про Витькин размер интересуешься?

– Вы только не волнуйтесь, – тихо проговорила я.

Раиса захлопала глазами:

– Случилось чего, а?

– Ну...

– Говори скорей!

– Понимаете, «Жигули» под номером 337 MOM попали в аварию.

– Мама! – взвизгнула Раиса. – Он убился! Сто раз ему твердила, не лезь выпимши за руль! Вот теперь по больницам намотаюсь, денег потрачу! Беда прям! Откуда время взять! Ну козел! И чего, сильно покалечился? Ходить-то сможет потом? Только не хватало за параличным ухаживать!

– Вы особо не волнуйтесь, – тупо повторила я, – может, это еще и не он. Вдруг кому ключи от машины дал, всякое случается.

– Ты о чем толкуешь? – прошептала Раиса, хватаясь за подушкообразную грудь. – Не пойму. Знаешь адрес больницы, так скажи!

– Шофер и пассажир не в клинике.

– А где?

Я уставилась на Раису. И как сказать ей правду? Внезапно Каретникова стекла на диван.

– Он чего? Помер?

– В автомобиле нашли два трупа, мужских, – пролепетала я, – без документов, но, может, ваш муж и не в морге, вдруг...

И тут Раиса удивила меня. Побелев, словно бумага, она молча встала, открыла ящик буфета, порылась в нем и достала бордовую книжечку вкупе с пластмассовой карточкой.

– Дома он все оставил, – тихо сказала она. – Где Витька лежит, знаешь?

Я вытащила бумажку.

– Вы только успокойтесь. Сейчас позвоним в отделение дежурному и все выясним.

Раиса молча наблюдала, как я веду переговоры с милицией.

– Слышь, – попросила она, когда я повесила трубку, – ты со мной съезди, а? Страшно одной.

– Конечно, одевайся.

Раиса побежала в коридор, а я осталась тупо сидеть на диване. Внезапно из другого конца квартиры раздались грохот и вскрик. Ноги понесли меня на звук. У Каретниковых было две комнаты. Вторая служила спальней. Я ворвалась в нее и увидела Раису, лежавшую на полу.

– Господи, что случилось?

Хозяйка застонала и села.

– Поскользнулась. Дорожка подо мной поехала. Сколько раз хотела убрать ее, да руки не доходили. Хорошо хоть ничего не поломала.

– Встать можешь?

– Ща, – проскрипела Раиса, – попытаюсь.

Кряхтя и охая, хозяйка сгребла ноги в кучу, я попыталась помочь ей, наклонилась и увидела возле тумбочки что-то непонятное, квадратное, ярко желтевшее на полу. Я схватила предмет и положила на ночной столик.

– Что нашла? – спросила Рая.

– Не знаю, – я машинально поглядела.

– Пряжка, – резюмировала Раиса, – только от чего? Для ремня маловата будет.

Я взяла крохотный кусочек металла и повертела его в руках. Действительно, маленькая, почти кукольная пряжка. Точь-в-точь такая украшала туфли Галки, когда я везла ее к экстрасенсу.

До морга мы добрались быстро, все-таки вечер, машин меньше. Раиса вела себя спокойно, даже попросила:

– Радио включи, а? С музыкой веселей.

Неожиданно в моей душе поселилась жалость к незнакомому Виктору. Похоже, жена совсем не расстроена его смертью, небось испытывает облегчение, узнав, что больше не надо будет заботиться об алкоголике. Грустно это, прожив много лет с человеком, не проявлять никаких эмоций, узнав о его кончине. Честно говоря, я боялась, что нас сейчас заведут в зал,

уставленный каталками, сдернут с одной простыню... Хорошо бы не упасть в обморок. Вид тела, которое покинула душа, пугает.

Но молодой человек в нежно-зеленом халате, абсолютно трезвый и безукоризненно воспитанный, включил компьютер и прочитал нам описание особых примет.

– Коренные зубы отсутствуют, на левом предплечье шрам от ожога.

– Это его шампуром сосед на даче приложил, – напряженным голосом пробормотала Раиса, – еще на щиколотке отметина имеется, круглая, а на правой ступне порез длинный. Витька на днях на осколок наступил.

– Точно! – воскликнул юноша. – Фото глядеть станете?

Раиса кивнула. На экране возник снимок, я зажмурилась, не хочу видеть труп.

– Витя, – прошептала Рая, – Витя.

– Водички хотите? – заботливо поинтересовался парнишка. – А второго знаете? Гляньте!

– Нет, – вдруг слишком громко ответила Рая, – впервые вижу!

– Все, все, – воскликнул парень, – убрал!

Я открыла глаза, на мониторе мирно светилась заставка – черное небо, усеянное звездами.

– Документы принесли? – деловито осведомился парень.

Раиса кивнула.

– Давайте.

Каретникова протянула служащему паспорт, я сидела, стараясь не шевелиться. Юноша кивнул и ушел. Мы остались вдвоем.

– Ты меня назад отвезешь? – неожиданно спокойно поинтересовалась Раиса.

– Конечно, – зачастила я, – не волнуйся. Хочешь, я останусь с тобой, пока кто-нибудь из родственников не подъедет?

Раиса пожала плечами:

– Мои все поумирали, а у Витьки только сестра осталась, горькая пьяница, я ей даже и звонить не стану, позор, а не баба, перед людьми стыдно станет. Лучше подруг позову.

Послышались бодрые шаги, и в комнату вошел служащий морга. Началось оформление документов, процедура заняла примерно час, потом парень деловито осведомился:

– Вещи возьмете?

– Какие? – испуганно спросила Раиса. – Они же горели.

Медбрат вытащил бумагу:

– Нательный крестик белого металла, кроссовки. А также сумка поясная из кожзама черного цвета.

– Ботинки можно тут оставить? – слабым голосом осведомилась Каретникова.

– Тогда акт подпишите, – парень равнодушно-спокойным жестом пододвинул к Раисе листок. – Вот здесь внизу и в углу, число поставьте. Сумочку нести?

– Да, – кивнула Рая, – там ключи его.

Медбрат снова ушел.

– Вот придумали, – пробормотала Раиса, – одежду отдавать! Кому она нужна!

Я пожала плечами:

– Наверное, правила таковы, санитар обязан спросить, люди-то разные, вдруг кто скандалить начнет.

Скрипнули плохо смазанные петли, медбрат положил перед нами небольшую обгоревшую сумочку, прикрепленную к ремню:

– Проверьте содержимое по описи.

Раиса снова побледнела и умоляюще посмотрела на меня:

– Слышь, глянь ты!

Мне тоже отчего-то стало не по себе, но делать нечего, пришлось открыть «молнию». Внутри не было ничего необычного: два ключа на железном колечке, портмоне и початая пачка сильно мягкой жвачки.

– Деньги пересчитайте, – велел юноша.

Я раскрыла кошелек и стала перебирать купюры. Раиса сидела, отвернувшись к окну.

– Пятьсот долларов, – сообщила я.

– Что?! Тут кошелек? – вскрикнула Рая, повернувшись ко мне. – Сколько?!

Я показала ей зеленые бумажки и повторила:

– Полтыщи американских рублей.

– Откуда?

– Понятия не имею, – растерялась я, – они там лежали, внутри.

– С ума сойти, – взвизгнула Рая, – у Витьки отродясь больше пятидесяти рублей не имелось. Где он такую прорву баксов взял?

Медбрат хмыкнул:

– Уж точно не я ему подложил!

Раиса выхватила у меня портмоне и принялась судорожно рыться во всех отделениях.

– Больше ничего, – слегка разочарованно сообщила Рая, отшвыривая кошелек.

Медбрат взял его, раскрыл и сказал:

– Тут еще потайное отделение есть.

– Дай! – рявкнула Рая и вырвала у него кошелек. – Ну-ка, это что?

Она выудила небольшой кусочек бумаги, пару секунд смотрела на него, потом с чувством сказала:

– Сволочь! – и бросила находку на столешницу.

Я глянула на то, что лежало передо мной. Фотография, по размеру похожая на паспортную, но цветная и неровно обрезанная. Крик застрял у меня в горле. Со снимка смотрела улыбающаяся Галка Сорокина.

Еле-еле справившись с собой, я осторожно взяла фото и сразу поняла, что оно было раньше частью большой карточки. За спиной Гали виднелся вход в гостиницу или в магазин, была заметна стеклянная дверь, а на ней две буквы – Т.С. Кто-то вырезал лицо из большой фотографии. Я машинально перевернула квадратик. Сзади карандашом было написано: «Топильская, 8».

– Ах он гад, – прошипела Раиса, – бабу завел! Ну погоди, только его увижу, мало не покажется!

Сказав последнюю фразу, она осеклась, пару секунд поморгала, а потом вдруг разрыдалась, уронив голову на стол. Я принялась гладить ее по спутанным волосам, приговаривая:

– Ну, ну, не надо.

Санитар, очевидно, привычный к виду чужого горя, открыл шкафчик, добыл оттуда поллитровую бутылку, налил в мензурку остро пахнущую темно-коричневую жидкость и деловито сказал:

– Выпейте.

Внезапно Рая перестала плакать и покорно влила в себя содержимое стаканчика. Честно говоря, меня удивляет привычка некоторых медиков предлагать людям в качестве успокоительного настойку валерьянового корня. Ведь это лекарство не является скорпомощным. Для того чтобы валерьянка вас успокоила, ее необходимо пить довольно длительный срок, она должна накопиться в организме, и лишь тогда начинает оказывать на вас благотворное влияние.

Но, очевидно, стаканчик с сильно пахнущим раствором обладал психологическим воздействием. Раиса утерла глаза кулаком и, не забыв положить в свою сумочку кошелек с долларами, сухо сказала:

– Поехали.

Потом, не дожидаясь моего ответа, она встала и пошла к двери.

– Фотку возьмите, – напомнил медбрат.

– На... она мне сдалась? – вполне мирно спросила Рая. – Может, прикажешь в рамку вставить и на стену повесить. Так на всех б... багета не хватит!

– Вы не ругайтесь, – сурово ответил юноша.

– Пошел ты! – заорала Раиса и вылетела в коридор.

– Вы уж извините ее, – вздохнула я.

– Ничего, – отмахнулся парень, – тут на всякое насмотришься.

– Можно мне эту фотографию взять?

– Да, конечно, – улыбнулся санитар, – все равно выбрасывать.

Я вышла во двор и увидела Раису, прислонившуюся к «шестерке».

– Вот гад, – заявила она, стукнув кулаком по капоту, – сволочь! Значит, таскался по другим бабам, фотки их в кошельке носил, а я его хорони? Ну уж нет! Пусть они его и зарывают!

Я толкнула взбешенную Раю в машину и повезла ее домой. Беднягу словно прорвало, она принялась рассказывать мне про свою семейную жизнь. В двух словах счастье выглядело так: гулял и пил. Именно в такой последовательности. В молодости Витя был ходок, но потом постепенно алкоголь отнял у него все мужские силы, и Каретников превратился почти в импотента.

– Вот оно как, – злилась Раиса, – значит, со мной не получалось, а со всякими прош-мандовками запросто! Нет, ты только подумай! Фотку при себе таскал! Мою, между прочим, никогда не носил!

– Хочешь, заедем в кафе, выпьем кофе? – предложила я.

Раиса вздохнула:

– Ну, денег-то у меня на гулянки нет.

– Я приглашаю, смотри, вон там, справа, похоже, милое местечко. Поздно, правда, но оно открыто.

– Давай, – согласилась Раиса, – сто лет в ресторан не заглядывала.

Глава 7

Назвать рестораном небольшой зальчик с пятью столиками было как-то слишком. Но Раиса по-детски радостно разглядывала меню.

– Мне мясо с грибами, – наконец решила она, – жареной картошечки побольше, потом торт, шоколадный, и чаю с сахаром.

Когда официантка ушла, Рая вздохнула:

– Вот всегда со мной так, поем, и легче делается! Чем больше испереживаюсь, тем сильнее аппетит.

Еду подали быстро, и она оказалась неожиданно вкусной.

Рая довольно быстро расправилась с вырезкой и, запуская ложку в торт, заявила:

– Знаешь, хорошо, что я эту фотку увидела.

– Почему?

– А похороню и забуду Витьку. Другая жизнь пойдет, без пьяницы. Ведь я и не старая совсем, пятидесяти нет, – разоткровенничалась Раиса, – может, еще встречу мужика нормального.

Я поколебалась, потом спросила:

– А ты никогда не видела эту женщину, ну, чей снимок у Вити обнаружился?

Раиса пожала полными плечами:

– С первого раза она мне незнакомой показалась.

Я вытащила фотографию.

– А со второго?

Каретникова выхватила из моих пальцев глянцево фото.

– Ну и уродина! Морда мерзкая! Нет, мы никогда не встречались. Вот сволочь!

– Знаешь, что мне кажется?

– Ну?

– С Виктором же еще один мужчина погиб.

– И чего? – не дала мне договорить Рая. – Я видела его фотку в морге, незнакомый он мне.

Витька-то легко с людьми снюхивался, сядет водку пить на скамеечку – и готово, скорешился со всей улицей. И потом, какое мне дело до чужого мужика?

– Думается, в морге просто перепутали вещи, – спокойно закончила я, – кошелек не Витьки, а второго парня. Это фотография его любовницы, ты на мужа зла не держи.

Раиса поперхнулась:

– Вона чего! Значит, и пятьсот баксов не мои? Ну уж нет! Это Витюхин кошелек, я сама его ему покупала. Не выйдет номер! Деньги никому не отдам.

Я довезла ее до дома, посидела на кухне с полчаса, дождалась, пока в квартире появилась слегка запыхавшаяся, полная крашенная блондинка, назвавшаяся Аней, и ушла. В душе боролись сомнения: рассказать Раисе про то, что я знаю, чье лицо изображено на фото, или нет? То, что Галка никогда бы не стала иметь дела с нищим алкоголиком, испытывающим сексуальные затруднения, мне было ясно. Сорокина – она такая расчетливая, злая и очень жадная. Думать о том, что Галя могла влюбиться в Виктора и потерять голову, просто смешно. Больше всего на свете Галка любит ассигнации, а какое богатство у Каретникова?

Дома почему-то было пусто. Собаки, спавшие гуртом на диване, страшно обрадовались при виде хозяйки и начали ходить за мной по пятам.

– Нечего даже надеяться на внеплановую кормежку, – сообщила я им, – получите ожирение сердца и печени. Не следующий день я, проведив всех, снова легла в кровать и выспалась, потом занялась хозяйством, убрала квартиру и, лишь поставив пылесос в кладовку, вынула из

ящика стола лупу и принялась тщательно изучать фотографию. Так, похоже, она была сделана на отдыхе. На Галкиных обнаженных плечах обозначились лямки то ли от сарафана, то ли от купальника. Сбоку виднеется что-то ярко-красное, вроде буйно цветущего южного дерева. Изображение явно вырезано из большого снимка, от Галки остались лишь голова, шея и плечи, от растения лишь кусок...

Внезапно у меня в голове всплыло одно воспоминание, и я ринулась к нашим альбомам. Где же это, а? Я перелистывала страницы. Вот! Точно! Надо же, я не ошиблась.

Передо мной оказалась цветная фотография. В прошлом году, летом, Ленька праздновал день рождения, он у него двадцать восьмого июля, в самую жару. Поэтому все присутствующие облачились в легкие, почти невесомые одежды. Учитывая зной, Леня решил гулять за городом, нашел совершенно чудесное место со смешным названием «Тонкий слон». Гостей было не очень много: Карен Амбарцумов с женой Мэри и дочерью Наной, вся наша семья в полном составе, исключая собак, Тина Рокотова с любовником Женей, ну и Сорокины. Ленька не только заказал шикарный стол и живую музыку, он еще нанял фотографа.

Перед началом праздника дядька с «Кодаком» выстроил нас всех у входа, где в кадке «росло» искусственное дерево с ярко-красными цветами, и защелкал камерой. В течение вечера он, словно торнадо, носился по залу, а на выходе каждой семье дали пакет с готовыми снимками. Для меня осталось загадкой, каким образом фотограф успел проявить и отпечатать пленку.

Я закрыла альбом. Так, интересная история получается. Галка якобы уезжает к таинственному любовнику, ее цепочка, или очень похожее на нее украшение, болтается на ноге у тетки, которую Витя вместе с приятелем запихивают в «Жигули». В спальне Каретниковых обнаруживается сначала носовой платок Галки, а потом пряжка с ее туфли. Ладно, пусть цепочка и пряжка не принадлежали Сорокиной. В конце концов, многие женщины могли купить себе такие украшения и обувь. Но платочек! Он точно выпал из кармана Галки! Далее Каретников погибает. Впрочем, тут ничего странного нет, он сел пьяным за руль и не справился с управлением. Но потом начинаются просто чудеса! В портмоне плохообеспеченного алкоголика обнаруживаются пятьсот долларов и фото Галки. Снимков сделано было не так уж и много, всего несколько. Значит, мне нужно под благовидным предлогом навестить Карена, Тину и постараться заглянуть в их семейный архив. Тот, у кого не обнаружится фото, скорей всего, будет замешан в загадочной истории. Итак, с кого начать?

Решив не медлить, я рванулась к телефону. Но тут в прихожей тихо запел звонок. Я распахнула дверь.

– Жара египетская, – слабым голосом простонал Юра, втаскивая елку, – я чуть не умер. Зато сегодня меня в метро пустили, заставили, правда, заплатить за нее, как за багаж. Я было спорить начал, денег-то жаль, у меня их совсем нет, а дежурная как разорется. Пришлось отстегивать. Ну что у вас за люди в Москве, а?

Внезапно мне стало обидно. Приехал в чужой город и без конца хает коренное население. По-моему, такое поведение просто неприлично. Я согласна, москвичи торопливы, суетны, не всегда готовы прийти на помощь, но, во-первых, их сделал такими бешеный ритм мегаполиса, во-вторых, добрых людей в Москве намного больше, чем злых, и, в-третьих, существуют правила проезда на метрополитене.

– Словно собаки, – бубнил Юра, стаскивая ботинки. – Вот послушай, как денек прошел!

Утром Юра, поругавшись с дежурной и расставшись с большой, на его взгляд, суммой, спустился на платформу. По деревенской привычке он вылез из кровати рано утром. Сельские жители привыкли продирать глаза ни свет ни заря. Когда-то у моих родителей служила домработница Нина. Ее сын загремел в армию и регулярно писал матери корявые письма. Нина практически не умела читать, поэтому я, про себя ужасаясь жутким орфографическим ошибкам, озвучивала для нее текст. Очень хорошо помню одно послание, которое содержало гени-

альный абзац: «Мамочка, в армии очень здорово. Просыпаюсь я как дома, в пять, и собираюсь вставать, чтобы доить Зорьку, но потом вспоминаю, что нахожусь на службе, и остаюсь под одеялом. Представляешь, тут разрешают валяться в кровати до шести утра!»

Плохо знакомый с городскими обычаями Юра попал в самый час пик. Люди, ехавшие на работу, набились в вагоны плотной массой, нечего было и думать о том, чтобы влезть в поезд с елкой. Да еще стоило Юре приблизиться к дверям, как окружающие принимались орать:

– Сбрэндил ваще! Офигел, да? Куда прешь с колючками.

Пришлось мужику маяться целый час, пока поток пассажиров не поредел. Но на этом Юрины мучения не закончились. Когда он, доехав до нужной станции, вышел на улицу, его остановили два милиционера, которые, увидев, что у задержанного нет московской прописки, мигом утащили бедного, робеющего перед грозными представителями власти парня в отделение. Там ему не разрешили войти в кабинет дознавателя с елкой. Юра перепугался, что в его отсутствие дерево, посчитав за мусор, выбросят, и вцепился в ствол. К счастью, ему попался нормальный лейтенант, который, быстро разобравшись в деле, отпустил мужика с миром. Юра поплутал по улицам, не нашел Тимирязевскую академию и пошел назад, в метро он больше не совался. Очень уж дорого обойдется ему провоз елочки.

Я выслушала растерянно моргающего Юру, потом вынула из ящика купюру:

– На.

– Зачем?

– На проезд.

– Нет, – замахал руками Юра, – ни за что не возьму. Мне бы помыться, вспотел весь.

– Ванная свободна, – улыбнулась я, – ступай под душ. Отволоку твою елку на кухню сама.

Юра с благодарностью глянул на меня и исчез в санузле. Я оттащила колючего монстра и устроила его в уютном уголке. Сегодня елка меня уже не раздражала. К тому же на нее очень удобно было вешать всякие мелочи типа мокрой тряпки.

Встав к мойке, я начала чистить картошку, услышала внезапно бодрое журчание и, схватив посудное полотенце, повернулась. Так и есть! Возле ствола елки пристроился Рамик.

– Ах ты, гадкий пес, – зашипела я, размахивая бело-красным полотном, – ну сейчас тебе мало не покажется.

Ощувив шлепок, Рамик возмущенно фыркнул и медленно отошел от елки. На его морде застыло недоуменно-обиженное выражение. «Интересное дело, – наверное, думал он, – поставили в кухне черте что. Всем же известно: деревья существуют для задиранья задней лапы».

Чертыхаясь, я вытерла лужу. Надеюсь, Юра, трепетно переживающий за сохранность жуков, никогда не узнает, чем занимаются около елки наши собаки.

День прошел как всегда, сначала домой сбежались все члены «стаи», потом сели ужинать, затем гуляли с собаками. Я устроила небольшую постирушку, Катя листала свои записи, завтра ей предстояло делать не совсем обычную операцию. Около полуночи началась битва под названием «Уложи детей в кровать». И Кирюша, и Лиза не собирались отрываться от компьютеров. Нам пришлось купить две одинаковые «умные» машины. Пока в доме имелась одна, стоявшая в гостиной, между подростками разыгрывались такие бои, что Катя решительно заявила:

– Покупаем второй комплект, никаких сил нет терпеть их вопли.

Потом пришлось отстегнуть еще немалую сумму, чтобы провести выделенную линию Интернета сразу в две комнаты, иначе мы не могли воспользоваться домашним телефоном. Зато сейчас у нас тишь да гладь. Лизавета с Кирюшкой спорят и ругаются за столом, в коридоре, ванной, гостиной, на лестничной клетке, по дороге в школу и из нее, во время прогулки собак и в течение всех телепрограмм. Но стоит им включить мониторы, как дома устанавливается восхитительная тишина, прерываемая изредка странными звуками типа «ку-ку». Это работает программа «Ай-си-кью», в просторечии «Ася».

Основная часть народа сидит в сети по ночам, поэтому дети изо всех сил цепляются вечером за клавиатуру. Очень обидно ложиться спать, когда в чат только что заявили друзья.

Вот и сегодня я попеременно заглядывала в спальни, словно вредный попугай талдыча одну фразу:

– Спать пора.

В конце концов Катюша не вытерпела:

– Оставь их в покое!

– Но они завтра не встанут, прогуляют первый урок, получают двойки.

– Ну и что? – усмехнулась подруга. – Это их проблема!

– Ужасно! – возмутилась я. – Детям следует ложиться в десять!

– Кто это сказал?

– Ну, – замаялась я, – так принято.

– Кем? – спросила Катя. – Кто сие правило установил?

– Ну... не знаю! Так надо! Детей нужно воспитывать!

– Зачем? – улыбнулась Катя.

– Как это? Надо!

– Почему?

– Ты издеваешься, да? – воскликнула я.

– Во все нет, – покачала головой Катя. – Они уже взрослые, все правильные, нужные слова мы им сказали в детстве. Теперь пусть сами собой руководят, отпусти поводок, это их жизнь.

– Но они получают двойки!

– Когда принесут плохие отметки, тогда и поговорим. Вот тебя лично без конца воспитывали до тридцати лет. Ну и что, ты была счастлива?

– Нет, – пробормотала я. – Всегда хотела вырваться на свободу.

– Так не повторяй ошибок своих родителей, – закончила Катя и снова уткнулась в записи.

Я хотела было заглянуть к Лизе и приказать ей гасить свет, но тут перед моим взором возникла мамочка, укоризненно говорящая:

– Котенок мой! Уже девять! Все.

Память услужливо утащила меня в прошлое.

Подойдя решительным шагом к кровати дочери, мама выдергивает из моих рук книгу, дверь хлопает, наступает тишина. Я натягиваю одеяло на голову и тихо плачу. Ну почему жизнь так несправедлива? Спать мне совершенно не хочется, сказку отобрали на самом интересном месте, теперь мне предстоит долго ворочаться в жаркой постели...

Лиза высунулась в коридор:

– Эй, Лампа, ты чего?

Я потрясла головой, прогоняя воспоминания:

– Задумалась.

– Я сейчас лягу.

– Не надо, – вздохнула я, – сиди в компьютере.

Лиза разинула рот:

– Лампудель, ты заболела?

– Нет.

– Разрешаешь мне бродить в Инете? Между прочим, уже полночь, – возмутилась Лиза.

– Поступай как хочешь!

– Ты обиделась?

– Во все нет. Просто пересмотрела свои позиции. В конце концов, зачем заставлять взрослого человека ложиться спать?

Лизавета ошарашенно поморгала, потом ткнула в меня пальцем, украшенным зеленым ногтем.

– Вот! Я всегда знала, что ты меня не любишь! Значит, бедный ребенок будет сидеть ночью в сети, портить себе глаза, завтра не пойдет в школу, а Лампе плевать на него?

– Ну... ты же уже выросла, сама решишь свои проблемы.

– Полное безобразие, – возмутилась Лиза. – Нет уж, прямо сейчас назло тебе я отправлюсь в кровать.

Сердито фыркнув, она исчезла в комнате. Я удивилась, однако странные люди подростки, ей-богу, иногда их трудно понять!

Утром, дождавшись, пока все уйдут, я позвонила Карену.

– Слушаю, – пропищала его дочка Нана.

– Это Лампа.

– Ой, здрассти.

– Родители дома?

– Нет, конечно, на работе.

– А ты почему не в школе?

– Воды холодной попила и бронхит подцепила, – демонстративно закашлялась Нана.

– По-моему, у тебя воспаление хитрости.

– Есть немного, – захихикала девочка. – У нас сегодня годовая контрольная по математике, лучше ее пропустить!

– Скажи, ты знаешь, где у вас лежат фотографии?

– Конечно.

– Если я сейчас подъеду, дашь посмотреть?

– Пожалуйста, только зачем?

– Понимаешь, я хочу сделать твоему папе подарок к дню рождения, заказать футболку с его снимком.

– Классно, – одобрила Нана, – весь день дома просижу!

Я пошла в ванную, умылась, причесалась, а потом, решив немного накрасить лицо, стала искать косметичку. Но голубенького мешочка с пудрой и губной помадой нигде не было. Я сначала порылась в сумочке, затем пошарила в ящиках комода, потом не поленилась сбежать к «Жигулям» и заглянуть в «бардачок». Но тщетно, мазилки словно сквозь землю провалились. Я сначала расстроилась, но потом сказала себе:

– Спокойствие, Лампа, только спокойствие. Ну-ка припомни, когда ты в последний раз держала в руках помаду.

В голове мелькнула молния озарения. Так у Раисы. Я увидела, что к Каретниковой прибыла подруга Аня, пошла в ванную, слегка оживила макияж и уехала, а голубенький мешочек забыла на стиральной машине. Надо позвонить Рае. Я пошла было к телефону, но потом остановилась. Нет, сейчас неприлично беспокоить вдову. Ей предстоят похороны, поминки, а тут я с идиотским разговором про губную помаду. Дня через три, когда скорбные процедуры закончатся, съезжу за потерей, надеюсь, Раиса не вышвырнет косметичку, а я пока воспользуюсь Катиными запасами.

Нана радостно встретила меня на пороге:

– Лампа, смотри, что мне купили!

– Очень красивая морская свинка, – одобрила я.

– Его зовут Хрюндель, – сообщила Нана. – Хрюндель, знакомься, это Лампа. Лампа, знакомься – это Хрюндель.

– Давай фото, болтушка, – велела я, проходя на кухню.

Нана притащила целую стопку разноцветных переплетов. Я стала рассматривать снимки. Нужный нашелся в третьем по счету альбоме. Он был совершенно целый.

– Все? – удивилась Нана, увидав, что я отодвигаю альбомы. – Уже нашла?

Я спохватилась, вытащила первый попавшийся под руку снимок Карена и сказала:

– Подойдет для майки?

– Классно, – одобрила Нана. – Никому не скажу, не переживай, не испорчу сюрприз.

– Ну спасибо тебе, – улыбнулась я и ушла, унося с собой совершенно не нужное изображение Амбарцумова.

Значит, Тина... Или ее любовник Женя. Впрочем, предположение легко проверить. К Тине можно заявиться без звонка. Она сломала ногу и уже целый месяц безвылазно сидит дома.

Глава 8

Увидав меня, Тина обрадовалась:

– Лампуша? Какими судьбами?

– Да вот, просто ехала мимо и решила заглянуть, не помешаю?

– Господи, – воскликнула Тина, – я тут совсем от тоски загнулась! От телика одурела.

Лежу, читаю книги и офигеваю потихоньку. А ну пошли чай пить.

И она бодро двинулась по коридору, стуча костылями.

– Нога болит? – с сочувствием спросила я.

– Чтоб ей сгореть, – выкрикнула Тина, – просто сил больше нет!

– Так плохо? Ты обезболивающее прими.

– Она даже не ноет, – пояснила Тина, – зато чешется до умопомрачения. А как под гипс залезть?

– Спицу возьми, – посоветовала я, – длинную.

Тина на секунду замерла, а потом воскликнула:

– Лампуша, ты гений! И как только додумалась! Лично я пыталась зубочисткой орудовать, но она-то короткая.

Поболтав о том о сем и напившись чаю, я решила наконец приступить к делу: – Слышь, Тин, нет ли у тебя фотографии Леньки Сорокина?

Тинка удивленно заморгала:

– Можно поискать, а тебе зачем?

– Секрет.

– Ну скажи, – заныла Тина.

– У него же день рождения в июле.

– И что?

– Я задумала ему подарок сделать, очень оригинальная идея в голову пришла, но нужен снимок.

– Кружку, что ли, с фоткой?

– Нет.

– Майку?

– Лучше поройся у себя в альбоме. Помнишь, на его прошлые именины нас снимали всех вместе. Мой снимок испорчен, я на него какао горячее пролила, а твой жив?

Тина схватила костыль, я налила себе еще чаю и положила варенье. Сейчас такой огромный выбор джемов, каких только нет, от клубничного до ананасового, но ничто не может сравниться с домашними заготовками.

Раздался мерный стук, Тина притопала назад, держа довольно толстый том в ярко-красном переплете.

– В самом конце, – деловито сообщила она, перелистывая толстые страницы, – во, нашлись.

Я принялась внимательно изучать карточки. Правильно, все они имеют отношение к Ленькиному празднику. Вот он получает из рук Тины коробку, вот изображение огромного, «трехэтажного» торта, а это я, как всегда, взлохмаченная, с бокалом шампанского в правой руке и куском соленого огурца в другой. Большой, общей фотографии, сделанной перед входом в ресторан, не нашлось.

– Слушай, а тебе разве не дали снимок, где все вместе маячат на крыльце? – тихо спросила я.

– Был такой, – кивнула Тина, – дальше смотри.

Я перевернула лист. Глаза наткнулись на пустое место, потом переместились чуть ниже. Тинка в красном купальнике стоит на большом камне, вокруг плещется море. Серия «Веселый день рождения» закончилась.

– Где же фотка? – поинтересовалась я.

Тинка недоуменно пожала плечами:

– Так здесь была.

– Нету.

– Ага.

– А куда она подевалась?

– Фиг ее знает. Возьми другую, ту, где Ленька со мной снят.

– Не пойдет.

– Почему?

– Он там в профиль. Кто же мог взять снимок?

– Понятия не имею.

– Ну подумай, может, сама кому дала?

– Да зачем бы? – справедливо заметила Тина. – Кому он, кроме нас, интересен?

– Вспомни, с кем ты альбом смотрела в последний раз?

– С тобой.

– Это сейчас, а раньше?

Тина призадумалась:

– А ни с кем. Женька туда фотки с нашего отдыха доложил, мы на Гоа отдыхали, в Индии, с тех пор никто альбом не трогал. Ой, на Гоа так классно! Прикинь, песок белый-белый, мелкий, словно пыль, вода тридцать пять градусов...

С горящими глазами Тина принялась живописать красоты индийского штата, живущего за счет туристов. Я слушала ее вполуха, старательно изображая на лице интерес, но в голове крутились совершенно посторонние мысли, поверьте, они не имели никакого отношения к Индии.

– Ой! – вдруг остановилась Тина. – Женька то фото с Ленькиного праздника взял! Точно! Ему там интерьер понравился. Он где интересную мебель или антураж видит – тут же хватает...

Значит, Женя. И зачем это ему понадобилось, а? К чему было вырезать лицо Галки?

– Скажи, – весьма невежливо перебила я Тинку, – твой муж по-прежнему работает дизайнером?

Тина прищурилась:

– Ценю твою деликатность, но Женька никогда не был моим законным супругом, и мы, кстати, разбежались! Ты забыла? – А мне никто не говорил про ваш разрыв! – удивилась я.

Тина ухмыльнулась:

– Встречаемся-то раз в год, все некогда поговорить по-человечески. Мы, кстати, остались друзьями, делить нечего было. Женька милый, но мне не подошел.

– Так он дизайнер или нет? – повторила я вопрос.

– Пашет в большой фирме, – кивнула Тина. – «Стройкварт» называется, а что?

– Дай мне его телефон, одна наша подруга хочет дизайн-проект заказать.

– Ладно, – кивнула Тина. – Женька на проценте сидит, чем больше клиентов, тем выше заработок. Тебе благодарен будет. Где же его визитки? А, вот, держи.

Поболтав для приличия еще полчасика, я вышла во двор, села в машину и принялась разглядывать небольшой глянцевый снимок. Да простят меня люди, профессионально занимающиеся оформлением квартир, но определенная часть этих специалистов сумасшедшие. Нет, нет, вы меня поймите правильно, гвозди они не едят, голыми по улицам не бегают и по большей части выглядят мило и интеллигентно. Просто у них совершенно особый взгляд на мир, иной, чем у нас, простых смертных, и подчас это доставляет некоторые неприятности. В про-

шлом году мы, собравшись с духом, сделали ремонт. О том, что пришлось пережить, вспоминать сейчас категорически не хочу. Может, когда-нибудь и расскажу вам эту историю. Но не о тягостных отношениях с ближнезарубежными гастарбайтерами идет сейчас речь. Катюша решила украсить квартиру как можно лучше и позвала дизайнера. Нам всем хотелось иметь функциональный шкаф в прихожей, но там из-за несущей стены образовалась странная ниша, поэтому ничего из готовой мебели нам не подошло, отсюда и желание сделать гардероб на заказ. Пришедший к нам парень назвался Сашей и коротко спросил:

– Что хотите?

Мы, перебивая друг друга, принялись излагать требования. Дизайнер кивал головой, через полчаса он заявил:

– Мне все ясно.

Мне понравилось, что специалист неразговорчив, еще лучшее впечатление Саша произвел на нас, когда принес эскиз. Все пришли в полнейший восторг, и Юля потребовала:

– А еще нужны экраны на батареи, деревянные.

– Хорошо, – снова коротко ответил юноша.

Спустя оговоренный срок, день в день к нам явились мастера, восхитительно трезвые и замечательно скромные. Они не просили чая, кофе, обеда, ужина, не делали перерывов на перекур, быстро завершив работу, замели за собой всю грязь. Мы с замиранием сердца осмотрели шкаф, показавшийся нам красивым, как античный храм. Потом Сережка решил открыть дверцу и не сумел уцепить ручку. Следом за ним неудачные попытки предприняли Катюша и Юлечка.

– Идиотство, – всплыла последняя, – эти ручечки тоньше спички, их только гномик с крохотными пальчиками удержит.

– И экраны не открываются, – подхватила я, – на них вообще нет никаких ручек.

Вновь был вызван Саша.

– Что-то не так? – хмуро спросил он.

– Все чудесно, – заверили мы его хором, – только ручки замените.

Саша покачал головой.

– Вы же подписали дизайн-проект! Я его показывал.

– Никаких претензий, – заверил его Сережа, – мы готовы доплатить, просто не разобрались сразу, прибейте другие.

– Нельзя, – лаконично сообщил Саша.

– Почему? – удивились мы.

– Дизайн шкафа разрабатывался вкупе с деталями, любое новшество нарушит целостность картины!

– Наплевать, – вскипел Сережка, – гардеробом невозможно пользоваться.

– Нет, испортится эстетика, – стоял на своем Саша.

Сережка открыл было рот, чтобы заорать, но я вклинилась в разговор:

– И экраны невозможно снять.

– Зачем их убирать? – искренне недоумевал Саша. – Пусть висят себе.

– А батареи как мыть? – резонно поинтересовалась я.

– Зачем? – вскинул брови дизайнер.

– А пыль?

Саша скривился:

– Ну... ручки сюда никак не подходят по концепции, внешний вид должен быть выдержан...

– Ерунда! – взревел Сережка, – немедленно переделывай.

На лице Саши появилось выражение невероятной муки, но он кивнул, и через неделю у шкафа появились непонятного вида крючкообразные конструкции. С грехом пополам гарде-

роб начал открываться. Батареям повезло меньше, экраны украсили круглые, скользкие бомбошки. Одну Саша привернул в верхнем правом углу, другую – в нижнем левом, длина «гармошки» составляла больше метра. Для того чтобы получить доступ к чугунным секциям, следовало присесть, растопырить руки, скрючиться и потом со всей силы рвануть на себя тяжеленную деревянную поделку. Ни я, ни Катя, ни Юля, ни Сережа не сумели при этом маневре удержаться на корточках. Мы все падали, а экран хлопался сверху, придавив очередного отчаянно верещащего «испытателя».

После этого случая слово «дизайнер» в нашем доме лучше не произносить вслух.

Я добралась до офиса «Стройкварт» и пошла бродить по коридорам. Вокруг носились люди с бумагами в руках, большая часть присутствующих орала в мобильные телефоны непонятные фразы:

- Два на восемь без гидроизоляции!
- Крыша пакетом!
- Бери кошку, кот тебе всю мебель изгадит!

Услыхав последнее заявление, я вздрогнула и посмотрела на говорившую. Молодая женщина, с виду чуть старше Юли, спокойно продолжала:

– Черепицу возьмем нашу, она дешевле, а на цоколь пойдет камень. Кошка лучше, кот ваще никуда.

Любопытство схватило меня за горло. Дождавшись, когда девушка отсоединится, я робко ее спросила:

- Простите, а кошку куда при строительстве кладут?
- Кошку?
- Ну да, вот вы только что про нее говорили.

Девушка рассмеялась:

– Про нормальную кошку речь шла, хвостатую, подруга кота решила завести, а я ее отговариваю.

Я рассмеялась. Самые сложные вопросы чаще всего имеют простые ответы. Хихикая, девушка пошла по коридору, я дернула дверь и сразу увидела взлохмаченного Женьку, глядевшего в монитор.

- Привет! – окликнула я его.
- Женя, не поворачивая головы, помахал рукой.
- Кофе не хочешь? – поинтересовалась я.

По-прежнему уткнувшись в экран, Женька выдвинул ящик и ткнул пальцем в банку растворимого напитка:

- Бери.
- Спасибо, конечно, но, может, лучше сходим в кофейню?

Женя повернулся:

- Лампа? Какими судьбами?
- Вот, ехала мимо, дай, думаю, зайду, спрошу кое о чем. Ты с меня сколько за устную консультацию возьмешь?

Женя выключил компьютер.

- В фирме договор оформляла?
- Нет.

– Тогда бесплатно все объясню, – улыбнулся Женька. – Никак квартиру покупать собралась?

- Точно, только не я.
- Пошли в буфет, – предложил Женя.

Мы спустились в подвал, отыскивали свободный столик и завели беседу. Сначала я соврала про приятельницу, которой интересно, сколько стоят услуги дизайнера, потом спросила:

- Жень, а можно из фотографии панно сделать?
- В каком смысле?
- Ну увеличить ее до огромного размера, допустим, метр на два.
- Зачем? – удивился Женька. – Странные тебе, однако, идеи в голову приходят.
- Это не мне, а Ленке Сорокину, – ухмыльнулась я. – Хочет таким образом гостиную на даче украсить.
- Бред!
- Ну мечта у парня такая.
- Женька проглотил кофе.
- Если мечта, тогда конечно. Существует определенная технология, позволяющая сделать из фотоснимка гигантский плакат.
- Ой, как здорово! – фальшиво обрадовалась я. – Послушай, ты только дай мне на время снимок.
- Женя уставился на меня недоумевающим взглядом.
- Какой?
- Ну помнишь, в прошлом году мы все ходили к Ленке на день рождения.
- Неа.
- Неважно. Нас там снял фотограф, у входа в ресторан, и потом каждой семье дал по снимку. Теперь у тебя в памяти просветлело?
- Нет, – сообщил Женька. – Никак не пойму, о чем речь!
- Я хочу сделать подарок Лене на именины, – зачастила я. – Он давно мечтает о гигантской фотке, такой, чтобы всю стену в гостиной закрыла. Хочу заказать ему такую, соображаешь?
- Жуткая глупость, – поморщился Женя. – А я тут при чем?
- Ты брал из альбома снимок, тот самый, где мы все вместе у ресторана. У меня был такой же, да я его испортила.
- Ну и что?
- Дай на некоторое время свой.
- Какой?
- Я глубоко вздохнула. Господи, вот непонятливый, придется объяснять сначала:
- Ты взял снимок.
- Кого?
- Лени!
- Откуда?
- Из альбома!!!
- Которого?
- Тинкиного!
- Я?
- Нет, я!!!
- Ты?
- Было отчего обозлиться.
- Нет, ты!
- А говоришь – ты!
- Хватит дурака валять, – зашипела я, – отдай фотку.
- Так я не брал ничего.
- Но ее нет на месте.
- А я тут при чем?
- Тина сказала, будто ты последним лазил в альбом.

– Ну да, – спокойно согласился Женя, – карточки вставлял, мы на Гоа много нащелкали. Но мы же с Тинкой разбежались.

– Значит, ты только засовывал снимки?

– Ну да.

– И ничего не брал?

– Да зачем бы мне фото вынимать? – совершенно индифферентно спросил Женька. – Я вспомнил сейчас, лежат там карточки с Лениной попойки. Только они совершенно идиотские. Фотограф попался натуральный кретин, кто же...

И Женя завел нудную лекцию о фотоделе. Я старательно попыталась скрыть разочарование. Похоже, Женька и впрямь не трогал фотографию. Мои расспросы его совершенно не смутили и не испугали.

– Слушай! – выпалил Женька. – Я вспомнил! Погибла фотка.

– Где?

– Ну мы с Тинкой-то разошлись...

– Знаю!

– И мне понадобились кое-какие снимки с Гоа.

– Зачем?

– Ну там были интересные интерьеры.

– И что?

– Я позвонил Тинке...

– Короче!

– И она мне отдала снимок, один! Остальные, ну те, что с интерьерами, а не с пляжа, погибли. Тинка на альбом чашку с кофе пролила. И та фотка накрылась. Мне жаль было, помнится, там интересное дерево имелось.

Я вздохнула, да уж! Я сама перепортила кучу снимков, на один, как сейчас помню, выплеснула кетчуп, когда смотрела альбом, потом уронила пакет с другими в лужу. Все ясно! Надо идти дальше.

– Коли у тебя обе руки левые, – бухтел Женя, прихлебывая кофе, – то, учитывая...

Я встала:

– Извини, мне пора.

Женька кивнул:

– Покеда. Стой!

– Что случилось?

– Твоя клиентка когда придет?

– Она позвонит.

– Ладно, – согласился Женя и, схватив со стола забытый кем-то журнал, вперился в него взглядом.

Я пошла на выход и около двери машинально посмотрела на себя в зеркало. Да уж, видок не из лучших: чересчур бледная кожа, серые губы и глаза почти без ресниц. Надо срочно покупать себе косметику. Хотя, если признаться честно, жаба душит отдавать большие денежки зря. Ведь все мазилки у меня есть, надо просто заехать к Раисе и взять забытую у нее косметичку.

Резкий звонок мобильного заставил вздрогнуть. Я поднесла трубку к уху и услышала недовольный голос Борьки Крюкова.

– Романова, ты где?

– Ну... в районе Таганки.

– Молодец, – уже более веселым тоном сказал Боря, – я испугался, что ты забыла!

– О чем? – осторожно поинтересовалась я.

– Шутница ты, Романова, – захихикал Крюков, – катишь себе на передачу, а сейчас надо мной издеваешься. Впрочем, молодец, от Таганки три минуты езды до нас, а эфир только через час.

Я едва не шагнула мимо ступеньки. Радио! Господи, совершенно вылетело из головы! Какое счастье, что «Стройкварт» расположен в двух шагах от станции, носящей мелодично-интеллигентное название «Бум».

Глава 9

Борька встретил меня у охранника.

– Эй, Романова, двигай сюда.

Я не успела опомниться, как он втянул меня в лифт, довез до второго этажа, протащил по длинному коридору и втолкнул в небольшую комнату, заставленную кожаными диванами, произведенными в тридцатых годах прошлого столетия. Если вы когда-либо смотрели кинофильмы о застенках НКВД, то сразу представите, о чем речь. Отчего-то наши кинематографисты любят запечатлеть чекистов, сидящих на таких черных, мрачных, чуть проваленных диванах.

– Устраивайся, – велел Борька.

Я плюхнулась на скользкие подушки.

– Значит, так, – зачастил Крюков, – у тебя сегодня гость, певец Луис.

– Кто?

– Дед Пихто, – мигом обозлился Борька. – Слушай внимательно!

– Извини, я не поняла, какой певец? Он тенор, баритон или бас?

Крюков замер с раскрытым ртом.

– Луис? Фанерщик.

Я растерялась:

– Столяр?

Борька заморгал, потом спросил:

– Ты издеваешься?

– Нет, конечно, ты же сам только что заявил: Луис – фанерщик.

– Романова! – взвыл Борька. – Умереть не встать! Луис поет под фанеру, усекла?

Я с трудом пыталась сориентироваться.

– Под фанеру? В каком смысле? На ней играют? А как?

Крюков закатил глаза:

– Романова, ты что, пролежала всю жизнь в нафталине? Не знать про фанеру! С ума сойти. Фанера – это запись. Луис только бегаёт по сцене, приплясывает и разевает рот. Честно говоря, он полный ноль. Все его хиты сделаны звукорежиссером в студии. Неужто ты не слышала про такое?

Я кивнула:

– Уж не настолько я отстала от жизни, просто не знала, что данное явление называется «фанера». Откровенно говоря, я не слежу за популярной музыкой.

– Ладно, – успокоился Борис, – едем дальше. Луис завалит к тебе на полчаса, задашь ему пару «оригинальных» вопросов, типа: ваши творческие планы или: о чем вы думали, когда сочиняли песню «Очи синие», и дело с концом. Луис треплив, любого диджея переговорит. На всякий случай возьми.

– Это что? – спросила я, беря листок.

– Информация о Луисе, – скривился Борька, – ну там, родился, женился, развелся, женился, развелся, в общем, всякая лабуда.

– Зачем она мне?

– Вдруг пригодится. Потом Луис уйдет, затем будет перерыв на новости и викторина. Плевое дело! Задаешь вопросы, режиссер выведет в эфир ответы зрителей, давай пошли.

Борька вскочил и резво впихнул меня в крохотную комнатенку, все свободное пространство которой занимал стол, над ним висело два микрофона, рядом стояли стулья. Я села слева, увидела большое окно и женщину, сидевшую по ту сторону стекла перед большим пультом.

Она помахала мне рукой и сделала такое движение, словно надевала шапку. Я поняла ее правильно и натянула на голову лежащие на столе наушники.

– Влетаем в четыре двенадцать, – раздался в моих ушах мелодичный голос, – сначала колокольчики, затем блямки, и понеслось. Вылететь тебе надо в двадцать сорок, позже никак, унесет.

– Извините, я первый раз в студии, – робко сказала я.

– Ничего, – успокоила меня режиссер, – все когда-то случается впервые. Видишь красную кнопку?

– Да.

– Скажу «начинай», смело ткни в нее и говори, все понесется в эфир. Закончишь, выключишь. Ничего хитрого. За минуту до конца я дам музыку в «ушки», и все. Не бойсь. Ну, ни пуха тебе.

Я затряслась мелкой дрожью. Господи, ну зачем я согласилась на эту авантюру? Ведь сейчас опозорюсь на всю страну. И потом, где гость?

– Начинай!

Я беспомощно посмотрела по сторонам. Делать-то чего? Сижу одна!

– Начинай!

В состоянии грогги, я нажала на выступающую из стола кнопочку. Вмиг над окном вспыхнула красная лампочка.

– Давайте же, – потребовала режиссер, – эфир не терпит пустоты.

Я проглотила слюну и пролепетала:

– Добрый вечер...

– Громче!

– Здравствуйте, товарищи, то есть, господа, дамы и кавалеры...

– С ума сойти! – восхитилась режиссер.

Я покрылась потом. Дальше-то что делать?

– Добрый вечер...

– Хорош здороваться! – рявкнула режиссер.

Я растерялась окончательно, но тут по моим ногам пробежал легкий сквозняк, и в соседнее кресло опустился молодой парень в сильно потертом джинсовом костюме. Поверьте, никогда в жизни я так не радовалась гостю, как в этот момент.

В моем голосе появились твердые нотки.

– Добрый вечер всем, кто с той стороны радиоприемника.

– Я офигеваю, – ожила режиссер, – ты, между прочим, не у «Спидолы» сидишь, чукча!

Но я решила не обращать внимания на вечно недовольную тетку.

– У нас в студии гость, певец Луис. Здравствуйте!

– Приветик, – прогундосил паренек, распространяя запах мятной жвачки.

– Расскажите о ваших творческих планах, – бодро оттарабанила я.

Луис поерзал на стуле, кашлянул и сказал:

– Ну... типа... того... этого, ясно?

– Нет, – совершенно честно ответила я и, решив, что он плохо расслышал вопрос, задала его снова.

– Уважаемый Луис, расскажите, пожалуйста, нашим слушателям о своих творческих планах.

Внезапно певец повернулся ко мне и с выражением неземного удивления в голосе воскликнул:

– Втыкалово не работает.

– Вы о чем? – не поняла я.

– Ну я не втыкаюсь!

– Во что? – изумилась я, судорожно ища глазами розетку.

Бог их разберет, этих певцов новой эстрады. Вдруг ему нужно, чтобы почетче выражаться, подключиться к электросети.

– Мы на какой говорильне сидим? – не успокаивался Луис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.